

Л. А. Тимошина

О МЕСТЕ СТОЛБЦОВ XVII в. В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОГРАФИИ

Одной из самых положительных тенденций развития отечественной археографии, ярко проявившейся в конце XX — начале XXI столетия, стало очевидное возрастание интереса к изданию сохранившихся в столбцах документов XVI–XVII вв., огромный информационный потенциал которых определяется тем, что именно в таком виде, за незначительными исключениями, велась практически вся первичная делопроизводственная документация государственных учреждений центрального и местного управления. Поэтому появление в последние два десятилетия значительного количества книг (без учета журналов и других периодических изданий) с публикацией почерпнутых из столбцов документов заставляет обратить внимание на некоторые особенности работы и различные подходы археографов при подготовке таких материалов.

В отечественной археографической практике сложились два, идущие от XIX — начала XX в. и сохранившие свою актуальность до сего дня, направления издания делопроизводственных материалов. Суть первого состоит в стремлении выделить, на основании хронологического или видового критерия, из единых, исходя из процесса их формирования и содержания, комплексов — дел¹ — наиболее интерес-

---

¹ Под «делом» мы понимаем комплекс документов, объединенный общностью содержания, местом и целями составления. Дело может быть представлено как простейшей делопроизводственной единицей, состоящей из обращения частного лица (челобитная) или государственного служащего (отписка) по тому или иному вопросу в государственное учреждение местного или центрального управления в первом случае или в вышестоящее учреждение во втором, пометы (как правило, на обороте поданного документа) и распорядительного документа (того или иного вида грамоты) во исполнение данного предписания, так и сложным комплексом документов (в случае длительных имущественно-административных или судебно-следственных раз-

ные с точки зрения конкретных исследователей или археографов документы.² В дальнейшем, во второй половине XX в. такой подход был четко обоснован В. И. Корецким, который, отметив трудности работы с поместно-вотчинными материалами и их общую, по мнению историка, недоступность исследователям, предложил, отказавшись от «засасывающей трясины» столбцов, выявлять, изучать и публиковать именно такие, «уникальные», восходящие к XV–XVI вв., а иногда и к более раннему времени, документы без сопровождающего их делопроизводственного конвоя.³

Стремление исследователя, ориентировавшегося в своей работе, прежде всего, на десятки тысяч столбцов Поместного приказа, полная, «пофондовая», публикация которых на любых, электронных или бумажных, носителях и сейчас кажется трудновыполнимой за-

---

бирательств), включающим в себя несколько микрокомплексов с различной географической и хронологической привязкой. Соответственно, в одном столбце могут содержаться как одно, так и несколько дел (столбцы «всяких дел»), что дает для первого случая возможность синонимического, пусть и с некоторой долей условности, употребления терминов «дело» и «столбец».

² Характерны сами названия целого ряда известных серийных публикаций XIX в. (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук (Т. 1–4. СПб., 1836); Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (Т. 1–5. СПб., 1841–1842); Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (Т. 1–12. СПб., 1846–1872) и др.) или отдельных сборников документов (Акты XVI–XVIII вв., извлеченные А. Н. Зерцаловым. М., 1897; и др.). Наиболее отчетливо принцип формально-видового деления и, соответственно, такого же издания документов проявился в «юридических» публикациях, призванных продемонстрировать образцы отдельных документов (Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838; Акты, относящиеся до юридического быта Древней России, изданные Археографическою комиссиею / Под ред. Н. Калачова. Т. 1–3. СПб., 1857–1884), где в алфавитном порядке названий — допросы, допросы, доезды, купчие, меновные, отводные, откупные, подорожные, поручные, челобитные, явки и т. д. — опубликованы отдельные документы из единых делопроизводственных комплексов. Не спасает положения и то обстоятельство, что иногда среди таких хаотических подборок актов можно встретить и целостные публикации отдельных комплексов, например, дела о сыске бежавшего из-под стражи бывшего казначея боярского правительства Федора Андронova (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1613 г. № 4. Л. 1–54; Акты времени междоусобицы (1610 г. 17 июля — 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и Н. С. Рябинина. М., 1915. С. 65–80).

³ Корецкий В. И. Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства XVI–XVII вв. // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. Днепропетровск, 31 октября — 2 ноября 1983 г. М., 1983. С. 187–194. Подробнее о позиции В. И. Корецкого см.: Тимошина Л. А. Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // ОФР. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 248–249.

дачей, предоставить в распоряжение читателей хотя бы какую-то часть связанных с историей служилого сословия документов, вполне понятно и, на определенном этапе, полезно. Не случайно заметным явлением в современной археографии стал подготовленный А. В. Антоновым (совместно с К. В. Барановым) четырехтомник «Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в.»,⁴ который широко используется в новейших исследованиях в различных областях внутриполитической истории Русского государства указанного периода.⁵ Однако необходимо помнить, что эти, сами по себе, безусловно, важные и интересные документы являются частью единых административных или судебных дел, разбиравшихся в Поместном приказе. Поэтому их искусственное вычленение, не позволяя проследить историю бытования отдельных актов на протяжении более или менее длительного времени или выявить роль и значение древнейших документов для хода и исхода имущественных тяжб XVII в., не дает возможности проводить их полноценный, в рамках всего дела, источниковедческий анализ, необходимый для адекватной оценки содержания самих публикуемых актов, заставляя ограничиваться сиюминутным использованием содержащихся в этих материалах конкретных сведений.⁶

Второе, «тематическое», направление заключается в формировании подборок документов, посвященных тем или иным внешнеполитическим событиям или связям с отдельными странами, внутриполитической обстановке, особенно в периоды ее обострения, характеристике жизни и деятельности различных слоев населения или отдельных личностей и т. д. Для подобных изданий, в целом, характерно гораздо более полное использование дел/столбцов, которое не ограни-

---

⁴ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. / Подгот. А. В. Антонов (т. 1 — совместно с К. В. Барановым). Т. 1–4. М., 1997–2008.

⁵ См., например: Эскин Ю. М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013; Аракчеев В. А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. М., 2014; Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. 1; и др.

⁶ Некоторая ограниченность публикации А. В. Антонова с точки зрения хронологии и отбора документов была отмечена Т. А. Лаптевой: «Предпринятое в последние годы А. В. Антоновым издание „Акты служилых землевладельцев“, к сожалению, ограничено хронологически и не позволяет проследить процессы, происходившие в служилом землевладении на протяжении XVII в., кроме того, принципы отбора документов в этом издании весьма близки к методике отбора документов С. А. Шумакова — внимание уделяется прежде всего „частным актам“ — хотя в данном издании это сделано по совершенно другим причинам и вполне обосновано методологически» (Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010. С. 20–21).

чивается отдельными документами, а включает в себя, как правило, достаточно большое количество материалов, наиболее полно и представительно, по мнению составителей, освещающих избранные ими сюжеты.

Не отрицая высокий археографический уровень целого ряда подобных публикаций, нельзя не обратить внимание на еще более сильное влияние субъективного фактора, которое не обусловлено, как в первом случае, достаточно формальным, а потому легко поддающимся определению хронологическим критерием, а связано с личными исследовательскими интересами и квалификацией археографов, следствием чего является гораздо более произвольный выбор отдельных документов для публикации. Такой подход неминуемо приводит к разрушению единого исторического источника — дела — и вместо естественно сложившегося в результате деятельности учреждений различного уровня делопроизводственного комплекса читатели получают некую подборку большего или меньшего количества зачастую самих по себе весьма интересных документов, но с полностью нарушенными внутренними связями между ними, характерными для делопроизводства XVII в.

В практической археографии такие подборки имеют, в лучшем случае, заголовки «Из дела о...» и составляют в различных изданиях большую или меньшую, но, к сожалению, всегда достаточно заметную часть. Для подтверждения сказанного обратимся к некоторым конкретным примерам.

Рассмотрим с этих позиций один из недавно вышедших, полезных и, в целом, достаточно удачно построенных сборников документов, посвященный царским кормовым ремесленникам — иконописцам и живописцам Оружейной палаты.⁷ Важно отметить, что в этом издании соотношение полностью и частично опубликованных дел представляет, в общем, отрадную картину: последние занимают менее четверти всех опубликованных подборок — 31 дело (24,2%) против 97 (75,8%) опубликованных полностью. Такой подход составителя тома, М. В. Николаевой, помимо общих источниковедческих принципов, более чем оправдан конкретным, использованным ею для публикации материалом. Книга в подавляющей своей части основана на столбцах Оружейной палаты, естественно сложившийся делопроизводственный комплекс которых был грубо нарушен во второй четверти XIX в. деятельностью академика И. Х. Гамеля и его сотрудни-

---

⁷ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты 1630–1690-е годы: дворовладения, события повседневной жизни, работа по частным заказам. Сборник документов / Сост. М. В. Николаева. М., 2012.

ков, занятых «тематическим» выявлением документов для истории «московской рукодельной промышленности». В результате, расклеенные столбцы XVII в., а, следовательно, и находившиеся в них дела, оказались разрушенными.⁸ Поэтому стремление ввести в научный оборот чудом сохранившиеся комплексы в их полном виде представляется бесспорной заслугой составителя. Можно только высказать сожаление о некоторой непоследовательности подобного подхода. Что же осталось вне рамок издания? Приведем пример.

Одним из таких, опубликованных частично дел является дело по челобитной живописца Оружейной палаты Ивана Артемьевича Безмина о «примерной земле» в Константиновской улице Бронной слободы, которое рассматривалось в декабре 1692 г. — июле 1695 г., незадолго до смерти мастера.⁹ Публикация начинается с небольшой челобитной И. А. Безмина с просьбой отдать ему «примерную» землю позади двора мастера Евстафия Кузовлева вместо забранного под богадельни его собственного дворовладения с дьячьей пометой на ее обороте «выписать».¹⁰ Однако составитель тома, не обращая внимание на это, связывающее два документа, распоряжение, посчитал возможным изъять из публикации, как, по-видимому, не касающиеся напрямую личности самого живописца, выписи из писцовых книг Бронной слободы 1634/35, 1638/39 и переписной книги 1663/64 годов (три листа).¹¹ В итоге, читатель, во-первых, лишился значимых для изучения истории этой центральной в Бронной слободе улицы документов, позволяющих определить профессиональный и социальный состав ее жителей, установить величину и взаимное расположение дворов, наличие огородов или других подсобных хозяйств и т. д., тем более что в имеющейся литературе, посвященной слободе, сведений о книге 1634/35 г. не имеется.¹² Поэтому любые сведения этого источника представляются весьма ценными, если не уникальными.

Во-вторых, исчезла возможность провести текстологический анализ имеющихся в деле выписей из писцовой книги 1638/39 г. и переписной 1663/64 г. с их сохранившимися в материалах Оружейной

---

⁸ Николаева М. В. Источниковедческое вступление // Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... С. 8–9. Добавим от себя, что в настоящее время значительная часть таких «столбцов» Оружейной палаты представлена отдельными документами на 1–3 листах.

⁹ По имеющимся в справочной литературе данным, Иван Артемьевич Безмин умер между 1696 и 1701 г. (Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2003. С. 82).

¹⁰ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 194.1. С. 350.

¹¹ Там же. № 194. Примеч. 848.

¹² См., например: Романов М. Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М., 2010. С. 29–46.

палаты оригиналом (переписная книга) и списком (писцовая книга), тексты которых, к тому же, опубликованы.¹³ А сличение нескольких писцовых разновременных текстов, посвященных единому объекту, с одной стороны, помогло бы оценить степень точности и тщательности работы подъячих при подготовке выписей и, не исключено, определить их источник, «протограф», а с другой — наглядно проверить приведенные самим живописцем данные.¹⁴

В-третьих, оказалась разорванной непосредственная делопроизводственная связь двух документов — челобитной и выписи из кадастровых материалов.

И, наконец, при публикации обоих документов читателю не пришлось бы задумываться о смысле чрезвычайного странного примечания: «*В выписи на л. 33 добавлено* (курсив составителя. — Л. Т.): На челобитной помета думного дьяка Гаврила Федоровича Деревнина»,¹⁵ странность которого состоит в том, что как раз этот лист вместе с двумя другими (л. 31 и 32) не включен в издание. И только хорошо зная механизмы приказного делопроизводства, можно догадаться, что подъячий, готовивший выпись, сделал свое уточнение в отношении второй, довольно пространной пометы на челобитной И. А. Безмина, которая, следовательно, принадлежит руке этого думного чина.¹⁶

Далее в деле о «примерной» земле опубликованы еще две челобитные живописца с просьбами «учинить указ» по этому вопросу и не записывать за Кондратием Безобразовым упомянутый выше двор

¹³ Романов М. Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. С. 92–157.

¹⁴ Охотно допускаем, что подобная работа в отношении двора И. А. Безмина была проведена самой М. В. Николаевой (*Николаева М. В.* Дворовладения живописца Оружейной палаты Ивана Артемьева сына Безмина в Константиновской улице Бронной слободы // *Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции.* Вып. 5. М., 2009), однако читатели рассматриваемого сборника не обязательно должны знать о существовании этой статьи, тем более что ссылок на нее в «Источниковедческом вступлении», «Археографическом введении» или в подстрочных примечаниях, насколько мы можем судить, нет.

¹⁵ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 194. С. 350. Примеч. 847.

¹⁶ Мы уже обращали внимание на чрезвычайную ценность таких содержащихся в выписях указаний, которые в сочетании с реально сохранившимися на документах пометами позволяют совершенно точно определять, не пользуясь вызывающими споры палеографическими методами, почерки различных приказных деятелей (см.: *Тимошина Л. А.* Судебно-следственные дела в источниковедении. С. 288–293). Точно такую же возможность для определения руки думного дьяка Г. Ф. Деревнина предоставляет и связка документов челобитная — выпись в деле И. А. Безмина. Странно, что М. В. Николаева при публикации челобитной отказалась от прямого указания на автограф этого представителя Боярской думы.

Е. Кузовлева,¹⁷ за которыми опять следует большой пробел почти в 15 листов. На них, как отмечает в примечании сама М. В. Николаева, находятся различные купчие крепости, связанные с двором Е. Кузовлева,¹⁸ — подключника Хлебного дворца Петра Григорьева с. Гульцова, подъячего Посольского приказа Лаврентия Протопопова, детей Евстафия Кузовлева Петра, Федора и Ивана¹⁹ и еще две выписи из писцовой книги 1678/79–1679/80 годов на дворовладения в той же Константиновской улице Бронной слободы.²⁰ Очевидно, что в указанных купчих содержалось, как в подавляющем большинстве подобных документов, более или менее подробное описание этого двора, всегда представляющее большой интерес при изучении бытовой, редко напрямую отражающейся в источниках официального происхождения, жизни людей. А публикация выписей из следующей по хронологии писцовой книги вместе с тремя предшествующими, если бы все они были изданы, дала бы во многих отношениях уникальную возможность представить процесс формирования планировки этой улицы (пусть даже ее небольшого фрагмента), определить структуру дворовладения и произошедшие по протяжении почти столетия ее изменения по всем сделанным в XVII в. описаниям. Тем не менее, из-за заранее заданного, чрезвычайно сужающего исследовательские горизонты, сугубо личностно-биографического подхода археографа читатель не может получить другие, не относящиеся непосредственно к И. А. Безмину, документы и использовать их сведения в своей работе.

Особенно обидно то, что ориентация на жесткие, но искусственные критерии в результате обедняет пути изучения той самой «повседневной жизни» иконописцев и живописцев, заявленной в подзаголовке сборника. В частности, И. А. Безмин, что очевидно и из опубликованных документов, постоянно жил в Бронной слободе, то есть

---

¹⁷ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 194.2, 194.3 (л. 34–37).

¹⁸ Подробнее о станочном мастере Оружейной палаты Евстафии Тимофеевиче Кузовлеве и его дворе см.: Романов М. Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. С. 38, 60–61.

¹⁹ Подробнее о них см.: Там же. С. 61. По положению на 1688 г. М. Ю. Романов отмечает трех сыновей Евстафия Кузовлева — старших Петра и Федора, «солнечного и опахального, и нарядного, и станочного дела» мастеров, и его младшего сына Дмитрия, известного в начале XVIII в. как мастер «органного дела». О еще одном сыне, Иване, историк не пишет. Отказался ли Иван от дела отца и братьев, непонятно, как, впрочем, трудно объяснить отсутствие в купчей имени Дмитрия (жил отдельно от братьев?). Или мы должны допустить возможность некоей путаницы в именах? В любом случае, полная публикация текста купчей могла бы помочь разрешению возникших недоумений.

²⁰ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 194. С. 350. Примеч. 854.

в районе города, административно подчиняющемся Оружейной палате, но населенном людьми иных специальностей, и поддерживал с ними постоянные мирные или вызывающие те или споры контакты. И исключать этого человека из окружающей его среды, а именно это и происходит при игнорировании в публикации указанных выше материалов, значит идти на риск не только утраты каких-то нюансов его биографии, но и возможности всестороннего изучения творчества живописца, где в той или иной степени, тем или иным образом могли отразиться и его личные связи с соседями.

Нельзя, к сожалению, не обратить внимания и на допущенную при публикации этого дела археографическую неточность. Речь идет о второй челобитной И. А. Безмина с просьбой о вынесении царского указа.²¹ В археографической легенде к документу указано, что он занимает л. 34–36, тогда как сопоставление текста и обозначения листов со всей очевидностью показывает окончание прошения живописца на л. 35, так как на обороте этого листа имеются рукоприкладство И. А. Безмина и дьячья помета «Взять к делу и, росписав, положить на стол».²² К последнему слову пометы подсоединено подстрочное примечание М. В. Николаевой: «*На Л. 36 в том же деле добавлено (курсив составителя сборника. — Л. Т.): На челобитной помета дьяка Кирила Тиханова*»,²³ а затем в основном тексте следует: «*На Л. 36 помета (курсив составителя сборника. — Л. Т.): 203-го февраля в 12 день. Послать старого подьячего — велеть ему взять тое слободы старосту и окольных людей ... и учинить той земле чертеж*».²⁴

Совершенно понятно, что записанное на л. 36 распоряжение о чертеже, которое археограф принял за оригинальный текст, принадлежащий руке дьяка, о чем свидетельствует введение курсивного обозначения, на самом деле является списком с этой пометы, сделанном подьячим, который вел это дело. Следовательно, вынесенные в под-

²¹ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 194.2.

²² Там же. С. 351. К сожалению, М. В. Николаева и здесь не обращает никакого внимания на характеристику почерков и не пытается путем палеографического анализа определить хотя бы тех лиц, кто оставлял распорядительные пометы на оборотах документов или писал приговоры. В данном случае таким человеком, исходя из кадрового состава Оружейной палаты в это период (*Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат... С. 108*), был дьяк Кирилл Тихонов. Однако печальное невнимание к палеографии не позволяет выявить объем деятельности отдельных чиновников приказного аппарата и круг входящих в их компетенцию вопросов, что приводит к повторяющимся из одного исследования в другое аморфным утверждениям о действиях некоего анонимного «правительства», а не конкретных людей.

²³ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... С. 351. Примеч. 850.

²⁴ Там же. № 194.2. С. 351.

строчное примечание слова являются ее «заголовком», а следующий за ним текст с предписанием «учинить той земле чертеж» и его продолжение с указанием на невыполнение поручения, который археографом опять-таки расценивается как помета и соответствующим образом обозначается курсивом («Там же помета: И апреля по 12 число нынешняго 203-го году ... подъячей из Оружейные полаты не послан»), составляют единое целое.

Весь этот фрагмент должен был бы предстать в издании без всякого вмешательства публикатора в виде курсивных вставок в следующем виде: «(л. 36) На челобитной помета дьяка Кирила Тиханова: 203-го февраля в 12 день, послать старого подъячего, велеть ему взять тое слободы старосту и окольних людей и с ними те порозжие земли досмотреть и измерять, и описать, и сыскать, та земля в дачу кому не отдана ли, и ныне тою землею кто владеет, и учинить той земле чертеж.

И апреля по 12 число нынешняго 203-го году против сей пометы для досмотру и меры, и описи подъячей из Оружейные полаты не послан» (пунктуация наша. — Л. Т.).

Правильное же воспроизведение этого фрагмента делает очевидным чрезвычайно важное и для понимания структуры дела, и для выявления всех, предпринятых И. А. Безминым действий обстоятельство, незамеченное публикатором. Пр процитированная подъячим помета дьяка Кирилла Тихонова никак не совпадает с пометой на челобитной живописца на л. 35 об. «202-го сентября в 22 день. Взять к делу и, расписав, положить дело на стол»,²⁵ смысл которой сводится к распоряжению подготовить докладную выпись. А это наблюдение вкупе с почти пятидесятилетним промежутком между распоряжением на челобитной и переписанной подъячим пометой К. Тихонова (22 сентября 1694 г. — 12 февраля 1695 г.) свидетельствует об утрате в деле, по меньшей мере, двух документов: докладной выписи и челобитной некоего лица, возможно, того же И. А. Безмина, или его контрагента/контрагентов, ответом на которую и стало предписание о посылке старого подъячего для измерения земли. Таким образом, допустимо думать, что в настоящее время в деле не хватает какого-то количества листов, точно подсчитать которые не представляется возможным, но, в любом случае, не одного и не двух.²⁶

---

²⁵ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 194.2. С. 351.

²⁶ Высказанное нами предположение подтверждается и несколько детализируется следующей челобитной И. А. Безмина от 12 апреля 1695 г., где сообщается и о подготовке выписи, и об отсутствии указа, и о вмешательстве третьего лица, Кондратия Меркульева сына Безобразова (Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 194.3. С. 351).

Помимо этого, несомненна утрата заключительной части комплекса. Публикация заканчивается обширной челобитной «солнечного и опахального дела» мастера Петра Евстафиевича Кузовлева, в которой он отрицает наличие «примерной» земли позади их двора и просит выписать необходимые сведения из книги 1658/59 г., с пометой на обороте «203-го июля в 17 день. Взять к делу и росписать».²⁷ Скорее всего, во исполнение распоряжения вышестоящего лица подьячие Оружейной палаты подготовили выпись, на основании которой было принято то или иное решение. Не исключено, что дело могло и затянуться из-за возражений И. А. Безмина, которые повлекли за собой очередные челобитные, выписи и т. д. Однако из-за отсутствия необходимых в данном случае комментариев составителя судьба продолжающих дело документов остается непонятной. Были ли они утрачены, не найдены или, может быть, челобитной П. Е. Кузовлева не был дан ход? Вопросы остаются без ответа,²⁸ а, тем самым, и сюжет о дворовладении живописца Оружейной палаты Ивана Артемьевича Безмина в том виде, как он представлен в издании, не имеет логического завершения.

Парадоксально, но в сборнике документов об иконописцах и живописцах Оружейной палаты есть прямо противоположные примеры соединения в один комплекс с одним же номером и заголовком различных дел.

В частности, в начале издания есть подборка документов, озаглавленная: «1659 г., декабря 8 — 1660 г. сентября 12. — Из дела Посольского приказа о выезде из Афин в Москву архимандрита Иезекииля за милостыней в сопровождении келаря Сергия, иконописца грека Апостола Юрьева с племянником Мануилом Ивановым»²⁹ и тол-

²⁷ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 194.4.

²⁸ Как следует из ремарки М. В. Николаевой, дело И. А. Безмина о «примерной» земле входит в состав большого столбца (303 л.) с общим заголовком «Обыски в разных слободах кто живет и сколько платит оброка» (Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... С. 350. Примеч. 846). Может быть, заключительные, а не исключено, что и «срединные», документы этого дела просто оказались не на своем месте?

²⁹ Чрезвычайно интересно упоминание имени Мануила Иванова в связи с приездом иконописца Апостола Юрьева и наличие между ними родственных связей. Известно, что в документах 1660-х — 1670-х годов встречается видный греческий купец с таким же именем и патронимом, Мануил Иванов, который вел крупную торговлю различными товарами с русскими купцами не только в Москве, но и в других городах. Одновременно, уже к середине 60-х годов он был хорошо знаком с такими видными представителями греческого духовенства в Москве, как Паисий Лигарид, который ходатайствовал за него в конфликтах с русскими торговыми людьми (см.: Тимошина Л. А. Греки и русские в Москве в 1665 г. // Третьи чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева (Москва, 26027 октября 2005 г.). Материалы. М., 2005. С. 41–53). Очень заманчиво было бы отождествить этих двух лиц,

мача Ивана Христофорова»,³⁰ в которую входят всего два документа. Первый, это отписка путивльского воеводы Григория Долгорукова от 8 декабря 1659 г. о приезде в город архимандрита Иезекииля со свитой и отправлении этих лиц в Москву, направленная в Посольский приказ как центральное учреждение, ведавшее проездом иноземцев через пограничные города, и благополучно там полученная.³¹ В делопроизводстве внешнеполитического ведомства такие отписки воевод пограничных городов, как правило, открывают столбцы со стандартными по своей структуре делами о приездах греческих духовных лиц³² и, следовательно, являются неотъемлемыми частями таких комплексов. Дело о приезде архимандрита Иезекииля со свитой не представляет собой какого-то исключения, и поэтому расценивать один из входящих в него документов атрибутом совсем другого комплекса неправильно.

Второй документ, появившийся через восемь месяцев после первого, что уже вызывает большие сомнения в их возможном единстве, — челобитная самого Апостола Юрьева от 12 сентября 1660 г. о выдаче ему 25 рублей для уплаты затраченных на проезд из Афин в Москву денег.³³ Прошение было подано, через какое-то время после отъезда архимандрита Иезекииля и сопровождающих его лиц из столицы, в Оружейную палату, куда иконописец был уже, по всей видимости, принят. Не случайно, на обороте документа имеется помета о посылке памяти в Посольский приказ «для ведома» о размере государева жалованья оставшимся в России на службе людям.³⁴ Далее

что дало бы возможность не только установить дату приезда греческого купца в Москву, но и, в какой-то степени, понять причины его быстрого вхождения в мир торговых людей и духовенства.

³⁰ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 11.

³¹ Там же. № 11.1.

³² РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1660 г. № 7. Л. 1–40. Очевидным недоразумением выглядит сделанное М. В. Николаевой примечание в археографической легенде к опубликованным ею л. 1–2 указанного дела: «Далее на Л. 2–4 (курсив составителя сборника. — Л. Т.) — Запрос от 30 сентября 1660 г. из Оружейной палаты в Посольский приказ и ответ о размерах выдачи приехавшим грекам корма „в стола место“» (Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... С. 34. Примеч. 70). В действительности, на л. 2 в этом столбце оканчивается текст отписки путивльского воеводы Григория Долгорукова, на л. 3 находится подготовленная в Путивле же роспись «жалованья» данного приехавшим грекам на дорогу до Москвы, а на л. 4–7 — докладная выпись, подготовленная в Посольском приказе, о величине следуемого им поденного корма (по составам листов и на л. 7 — приговор от 29 декабря 1659 г., написанный рукой Алмаза Иванова по тому же вопросу).

³³ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 11.2.

³⁴ Вероятно, написанная рукой единственного в это время дьяка Оружейной палаты Богдана Арефьева (*Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат... С. 107),

М. В. Николаева посчитала необходимым опустить текст отпуска памяти, которую она называет «запросом», из Оружейной палаты в Посольский приказ от 13 сентября 1660 г.,³⁵ однако очевидно, что оба документа входят в делопроизводство именно Оружейной палаты, а не внешнеполитического ведомства. Следовательно, говорить в данном случае о едином деле даже в не полностью опубликованном виде в отношении документов, происходящих из различных приказов, оснований нет и личность Апостола Юрьева объединяет эти материалы лишь тематически.

Вторым примером неправомерного, на наш взгляд, соединения различных с делопроизводственной точки зрения документов в один комплекс является публикация материалов 1692 г. (16 февраля — 6 июля), озаглавленная «Из дела о покупке живописного письма учеником Оружейной палаты Петром Золотым дворового места серебряника Романа Иванова в Бронной слободе»,³⁶ которая состоит из двух неравных частей. В первой из них находятся девять документов опубликованного *полностью* дела Петра Золотого³⁷ о продаже ему пустого дворового места в Бронной слободе,³⁸ принадлежавшего ранее мастеру

так как распоряжения о переписке с другими приказами входили в компетенцию именно этих должностных лиц.

³⁵ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... С. 35. Примеч. 71.

³⁶ Там же. № 188.

³⁷ Стоит отметить, что такую же, не слишком часто встречающуюся фамилию прозвище, имели во второй половине XVII в. два жителя Кадашевской слободы, зачисленные, по данным Н. Б. Голиковой, в 1676 г. в гостиную сотню (*Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 337, 371*), отец и сын Аврам Алексеевич и Сергей Аврамович Золотые. Вероятно, к этому же семейству принадлежал и Пантелей Золотой, нижегородский таможенный голова в 1645/46 г. (РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Оп. 1. Кн. 43. Л. 213, 237, 331, 533 об. и др.). Почему бы не предположить, что и Петр Золотой мог быть их родственником?

³⁸ Второе упоминание в рассматриваемых нами делах Бронной слободы как места жительства иконописцев или живописцев Оружейной палаты вкупе с постоянными ссылками на этот район Москвы в других материалах сборника (см.: *Топографический-географический указатель по г. Москва // Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... С. 439*) заставляет обратить особое внимание на профессиональный состав ее жителей, по крайней мере, во второй половине XVII в. М. Ю. Романов, посвятивший истории Бронной слободы в XVII в. специальную работу, отмечает проживавших там различных специалистов собственно оружейного дела и серебряников, а также иноземных мастеров, но почти не уделяет внимания, за исключением И. А. Безмина (*Романов М. Ю. Московская Бронная слобода... С. 47–81*), представителям других специальностей. Возможно, переселение мастеров «живописного» дела в эту слободу объясняется их стремлением жить в социально однородной среде служилых людей, подведомственных Оружейной палате, со своим внутренним управлением в лице старост, своей системой сбора налогов и своим кругом льгот,

Серебряной палаты Роману Иванову, начиная с инициативной челобитной просителя от 16 февраля 1692 г. и заканчивая, без пропуска листов, приговором главы Оружейной палаты, в это время — окольничего Ивана Юрьевича Леонтьева с предписанием отдать землю «по оценке за дватцать рублей живописного писма ученику Петру Золотому» и поручной записью по П. Золотому истопника Оружейной палаты Семена Семенова с. Золотого и других лиц.³⁹

Меньшая же часть представлена всего одним документом — выписью об оброчных деньгах с дворового места Романа Иванова в Бронной слободе.⁴⁰ Этот документ находится в другом столбце Оружейной палаты, к сожалению, непонятно, в каком именно контексте. Но само его начало («По доимочной книге збору оброчных денег прошлого 200-го году довелось было взять з двора ... иноземца Романа Иванова⁴¹ ...») и продолжение, где указывается сумма оброчного оклада, 2 рубля в год, с нового владельца, П. Золотого, показывает, что выпись посвящена совсем другому, более общему финансовому вопросу об окладе городских дворовладений, и связывать ее с делом о записи конкретного двора за вполне определенным человеком нет никаких оснований.

Как представляется, все, допущенные в этом сборнике погрешности объясняются очень просто: М. В. Николаева, сосредоточив внимание на конкретных фактах из жизни своих героев, почти полностью игнорировала изучение самих источников таких сведений — дел, которое, по нашему мнению, *обязательно* должно предшествовать непосредственной публикации материалов приказного делопроизводства, какой бы теме они не были посвящены.

Заголовки «Из дела о...» встречаются и в другом, не менее известном и не менее часто, чем упоминавшаяся выше публикация А. В. Антонова, используемом исследователями⁴² сборнике документов, посвя-

---

среди которых чрезвычайно значимой представляется весьма важная и для других групп населения привилегия подсудности только главе своего ведомства — оружейничему и подчиненным ему дьякам, а не Земскому приказу (см.: Там же. С. 74–76).

³⁹ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 188.1–188.9.

⁴⁰ Там же. № 188.10.

⁴¹ Имя иноземца, мастера Серебряной палаты Романа Иванова упоминается в еще одном опубликованном деле 1688–1690 годов о покупке иконописцем Михаилом Милютиним его дворового места (Там же. № 166). Однако в монографии И. А. Селезневой, посвященной этому учреждению и его мастерам и написанной на материале столбцов той же самой Оружейной палаты (*Селезнева И. А. Золотая и Серебряная палаты. Кремлевские дворцовые мастерские XVII века. Организация и формы производства, творческие процессы, обучение мастеров. М., 2001*), человека с таким именем и патронимом нет.

⁴² См., например: *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716 / Отв. ред. В. Н. Захаров. М., 2007; *Перхавко В. Б.* Средневековое русское купечество. М., 2012;

щенном привилегированному купечеству, однако здесь они составляют большинство — 41 (83,6%) из 49 дел.⁴³ Что же скрывает под собой такая выборочная публикация дел/столбцов и насколько она полезна? Для ответа на эти вопросы приведем три примера.

Под общим номером 42 с заголовком «Из дела Устюжской четверти об отдаче гостиной сотни В. Грудцыну Усову на откуп сбора таможенных пошлин в Леденском усолье⁴⁴» составители сборника опубликовали пять документов одного комплекса (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1666 г. № 226).⁴⁵

1) 1666 г. декабря 7. — Челобитная В. Грудцына (л. 2);

2) 1667 г. июня 15. — «Челобитная» тотемского таможенного головы Т. Потемина⁴⁶ (л. 6–8);

3) 1667 г.⁴⁷ после июня 15. — Часть выписи в доклад, подготовленной в Устюжской четверти (л. 12–13);

4) 1667 г. август.⁴⁸ — Сказка подъячих Устюжской четверти И. Казаринова, Т. Симановского и А. Воинова (л. 16);

Кистерев С. Н. 1) Потребности национальной экономики в представлениях русского купечества начала XVII в. // ОФР. Вып. 14. М.; СПб., 2010. С. 352–389; 2) Структура гостиной сотни во второй половине XVI — первой половине XVII века // ОФР. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 231–270; и др. Можно только пожалеть, что вышедший в 2004 г. первый том и сейчас, более чем через десять лет, не имеет продолжения.

⁴³ Привилегированное купечество России во второй четверти XVI — первой четверти XVIII в. / Отв. сост. Т. Б. Соловьева, сост. Т. А. Лаптева. Т. 1. М., 2004.

⁴⁴ Принадлежавший торговому человеку гостиной сотни Василию Ивановичу Грудцыну соляной промысел располагался в Тотемском у. на р. Леденга (Леденьга), правом притоке р. Сухоны (см.: *Заозерская Е. И.* У истоков крупного промышленного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1979. С. 169–171; *Тимошина Л. А.* Гости Панкратьевы и Великий Устюг в XVII в. // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 2000. С. 149–150), и поэтому в других документах назывался «Леденгским».

⁴⁵ Привилегированное купечество... Т. 1. № 42. С. 179–183.

⁴⁶ Последняя фраза этого документа — «И о том, государь, нам, сиротам своим, что ты, великий государь, укажешь?» (Там же. Т. 1. С. 181) — при одновременном отсутствии слов «Милосердый государь царь и великий князь...» и заключения «Царь государь, смилуйся (пожалуй)» свидетельствуют, что речь идет не о челобитной, а об отписке тотемского таможенного головы Тимофея Потемина.

⁴⁷ Дата документа в заголовке, вероятно, из-за опечатки указана неправильно — «1663 г.» (Там же. Т. 1. № 42.3. С. 181).

⁴⁸ Определение времени подачи сказки подъячих, не имеющей даты, августом 1667 г., которую предложили составители сборника, не очевидно. Помета с предписанием допросить подъячих находится на обороте отписки таможенного головы Т. Потемина и, следовательно, появилась после 15 июня 1667 г., времени ее получения в приказе. 31-м же августа датируется вторая, отдельная от товарищей, сказка подъячего Алексея Воинова, содержащая уточняющие детали об отдаче таможи в Леденгском усолье на откуп Ивану Грудцыну с 1653 по 1658 годы, что дает основание видеть в этом подъячем должностное лицо, которое вело дело в начале 1650-х годов,

5) 1667 г. августа 31. — Сказка подъячего А. Воинова (л. 17).

Вне рамок публикации остались: 1) 1667 г. не позднее июня 15. — Отписка тотемского воеводы Пими́на Савельевича Орлова с сообщением о получении грамоты от 17 мая 1667 г. о передаче леденгского «таможенного строения» В. И. Грудцыну и сопротивлением этому решению таможенных голов⁴⁹ (л. 3–5);

2) 1663 г. не ранее июня 15. — Начальная и конечная части приказной выписи (л. 9–11, 14–15);

3) 1667 г. не ранее сентября 5. — Грамота тотемскому воеводе П. С. Орлову с предписанием оставить сбор пошлин в Леденгском усолье у таможенных голов (л. 18–21).

В результате, получается, что из 19 листов дела⁵⁰ опубликована меньшая часть — восемь, а большая часть, 11 листов, осталась вне поля зрения археографов. Но дело, разумеется, состоит не столько в количественных показателях, сколько в том обстоятельстве, что выборочная публикация отдельных документов, а, соответственно, по-видимому, исключительное внимание самих ее составителей именно к этим материалам привели к совершенно неверной, на наш взгляд, трактовке сути конфликта.

Авторы комментариев⁵¹ отметили, что «дело показывает политику правительства, направленную на отмену откупной системы (прежде

или непосредственного преемника такого лица. Почему первая, «коллективная», сказка должна была быть обязательно подана в этом же месяце, то есть с двухнедельным интервалом после распоряжения об их допросе, непонятно.

⁴⁹ Составители сборника постоянно называют В. И. Грудцына откупщиком, хотя из его же опубликованной челобитной (Привилегированное купечество России... № 42.1. С. 179) следует, что этот торговый человек гостинной сотни являлся, прежде всего, владельцем Леденгского соляного промысла, и желание, как, вероятно, и у его отца, Ивана Грудцына, получить на откуп таможенную пошлину в своем владении было обусловлено, в первую очередь, стремлением обеспечить эффективную, без помех работу промысла. Стоит, по-видимому, учитывать и то обстоятельство, что многие обладатели тех или иных земельных территорий, независимо от своего социального положения, стремились избавиться от въезда в них таможенных чиновников. Ярким примером служат многочисленные монастыри, добивавшиеся от центральных приказов грамот на сбор таможенных пошлин с торжков в принадлежавших им селах (см., например: *Черкасова М. С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — XVII вв. (по архиву Троице-Сергиевой лавры). М., 2004. С. 252–257). Что же касается побудительных причин таких действий — желание получить лишний источник дохода, корыстное утаивание землевладельцами таможенных пошлин или не менее «сребролюбивое» намерение таможенников повысить любым способом величину сборов, — то здесь необходимо проведение подробных исследований в каждом конкретном случае.

⁵⁰ Что находится на л. 1 данной единицы хранения, состоящей, таким образом, из 20-ти листов, составители сборника не указали.

⁵¹ В предисловии к сборнику в общем виде, без указания конкретных номеров публикаций, отмечено, что в составлении комментариев участвовали Т. А. Лаптева

всего таможенных откупов)». ⁵² В реальности, это не так. Как доказывает оставшаяся вне рамок публикации отписка тотемского воеводы П. С. Орлова, В. И. Грудцын еще в мае, возможно, учитывая срок, необходимый для доставки документа из Москвы в Тотьму, и в конце апреля 1667 г. получил в Устюжской четверти, в соответствии со своей челобитной, необходимое разрешение, которое и было оформлено грамотой воеводе. Следовательно, ни о какой «политике, направленной на отмену откупов» говорить не приходится. «Правительство», а на самом деле, вероятно, кто-то из двух дьяков Устюжской четверти этого периода, Афанасий Башмаков или Семен Карев, ⁵³ в компетенцию которых, по-видимому, и входило решение подобных вопросов (ни в одной из помет дела ни царь, ни Боярская дума не упоминаются), первоначально не только не оказали никакого противодействия «откупным» намерениям В. И. Грудцына, но, наоборот, поддержали его просьбу. Трудности же и последовавший затем отказ в предоставлении откупа на 10 лет возник из-за чисто финансовых соображений, а не из-за отрицания или стремления к ограничению откупной системы вообще: таможенный голова Тимофей Потемин сумел доказать, что, по сравнению с В. И. Грудцыным, он со своими помощниками за семь месяцев 1666/67 г. (с 1-го сентября по 1-е апреля) сумел собрать пошлин на 30 рублей больше, чем это смог бы сделать владелец усолья, исходя из предложенной им суммы откупа.

Второй комплекс, публикацию которого в полном виде было бы крайне желательно видеть в сборнике, представляет дело марта-апреля 1676 г. гостя Семена Сверчкова, разбиравшееся в Новгород-

---

и Т. Б. Соловьева (*Соловьева Т. Б. Предисловие // Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 16*).

⁵² Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 183.

⁵³ См.: *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 191. С. Б. Веселовский в отношении А. Башмакова приводит те же данные, но указывает, что С. Карев был в Устюжской четверти только с июля по 23 октября 1669 г. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 45, 227). В справочнике Н. Ф. Демидовой А. Башмаков отмечен как дьяк Устюжской четверти только в январе 1669 г., а С. Карев (Карев) — в 1669/70 г. (*Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократии в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 58, 251). Очень жаль, что составители сборника о привилегированном купечестве Т. Б. Соловьева и Т. А. Лаптева, как и М. В. Николаева, не обращали внимание на палеографические характеристики публикуемых ими документов, так как определение почерка «автора» помет на этом деле способствовало бы уточнению существующих в справочной литературе противоречивых данных. А проведение такого палеографического анализа было бы вполне возможно, так как на обороте приказной выписи, по указанию самих археографов, имеется скрепа дьяка Семена Карева (*Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 183*).

ском приказе.⁵⁴ Важность этих материалов заключается в том, что на их основании появляется возможность предложить другую дату весьма значимого для характеристики социальной и экономической жизни России середины XVII в. документа — корпоративной грамоты гостям и торговым людям гостиной сотни. В историографии датой акта принято считать 26 августа 1648 г.⁵⁵ Имеющийся же в деле список грамоты содержит дату 26 августа 1647 г., что коренным образом меняет картину принятия документа, не позволяя связывать его с общей деятельностью центральных государственных органов в период составления основного законодательного памятника — Соборного уложения, и заставляет искать какие-то иные обстоятельства появления грамоты.

Собственно говоря, пожелание необходимости исследования всего судебного дела 1676 г. для уточнения даты грамоты высказал недавно С. Н. Кистерев,⁵⁶ к которому мы можем только присоединиться и, со своей стороны, обратить внимание на особенности публикации фрагментов этого дела в рассматриваемом сборнике, которые позволяют отметить только сам факт конфликта гостя с местной администрацией, но не более.

В сборнике помещены три документа в следующем порядке:

- 1) 1676 г. марта 23. — Челобитная гостя С. Сверчкова (л. 72);
- 2) 1647 г. августа 26. — Жалованная грамота гостям и гостиной сотни торговым людям на судебные, административные и налоговые льготы, приложенная к челобитной гостя С. Сверчкова (л. 67–71⁵⁷);
- 3) 1676 г. апреля 10. — Приговор по делу (л. 75).

Подобная подборка сразу же заставляет задаться некоторыми вопросами. Не совсем понятна логика размещения списка с жалованной грамоты, вопреки нумерации листов столбца, после челобитной С. Сверчкова. Значит ли это, что, по мнению археографов, распределенных документы именно в таком порядке, листы столбца были перепутаны и неправильно пронумерованы? Эту путаницу стоило бы оговорить в комментариях. И как, в таком случае, быть с пометой

---

⁵⁴ Привилегированное купечество России... Т. 1. № 58.

⁵⁵ См., например: Голикова Н. Б. К вопросу о правовом положении городского населения России конца XVI — XVII в. // Русский город. Вып. 9. М., 1990. С. 216; Кистерев С. Н. 1) Структура гостиной сотни... С. 231–233 и примеч. 1; 2) К изданию научного наследия Н. Б. Голиковой // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 417–418 и примеч. 44.

⁵⁶ Кистерев С. Н. Структура гостиной сотни... С. 231–232. Примеч. 1.

⁵⁷ В археографической легенде указано, что документ занимает л. 67–70, в самом тексте указаны л. 67–71 (Привилегированное купечество России... Т. 1. № 58.2. С. 259–260).

на челобитной «выписать», за которой, совершенно очевидно, следует не опубликованная и не отмеченная в комментариях приказная докладная выпись (очевидно, на л. 73–75), которая, как обычно и делалось, завершается приговором лица, выслушавшего доклад (приговор в сборнике публикуется⁵⁸).

Высказанное предположение об изначальном единстве трех документов — челобитной, выписки и приговора — подтверждает скрепа дьяка Емельяна Украинцева на л. 72 об.–76 об., которая никоим образом не распространяется на список с жалованной грамоты. Следовательно, сами подьячие Новгородского приказа при формировании дела подклеили его перед челобитной гостя С. Сверчкова.⁵⁹ Тем самым, вольное или невольное нарушение археографами порядка делопроизводственной работы XVII в. создает у читателя ложное впечатление особой важности или силы доказательности этого документа — списка с жалованной грамоты, в то время как в реальности он даже не был включен в доклад главе четвертного приказа, боярину Артемону Сергеевичу Матвееву,⁶⁰ от имени которого и был вынесен приговор. Иначе говоря, в реальном деле XVII в. список с грамоты имел сугубо дополнительное, справочное значение, а его, очевидно, частное происхождение⁶¹ могло привести к ошибке/описке в дате на любом этапе списывания.⁶² Такую ошибку вряд ли могли заметить служители Новгородского приказа, начиная от подьячих и заканчивая судьей, работавшие с этими документами в 1676 г., то есть почти

⁵⁸ Привилегированное купечество России... Т. 1. № 58.3. С. 261.

⁵⁹ Отсутствие в издании каких-либо дополнительных сведений о составе и содержании столбца с публикуемыми материалами не позволяет судить о возможной причастности документов на листах, предшествующих списку с грамоты, к делу гостя или их постороннем характере.

⁶⁰ В период 1671/72–1676/77 годов, как и во многие другие годы и десятилетия XVII в. судьи Посольского приказа возглавляли одновременно некоторые четвертные и другие приказы (*Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат... С. 105).

⁶¹ На основании скрепы на л. 67 об.–70 об., свидетельствующей о том, что к списку с жалованной грамоты вместо гостя Семена Сверчкова из-за болезни приложил руку его человек Федор Ботвиньев (*Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 261*), допустимо предположить, что именно этот последний и был писцом документа. Такое предположение легко проверяется палеографическим путем — сравнением почерка довольно большого и потому вполне подходящего для анализа рукоприкладства с почерком основного текста. Однако отсутствие и в этом случае, как и в деле В. И. Грудцына, палеографических характеристик не позволяет делать какие-либо умозаключения без обращения к столбцу.

⁶² Палеографически возможность подобной описки или ошибки прочтения вполне объяснима: легко спутать «е» и «s» в обозначенной буквенной цифирью дате «рне» или «pns», особенно если оригинал этой, как и многих других жалованных грамот, был написан особым, красивым, но всегда немного вычурным почерком.

через тридцать лет после появления самой грамоты, оригинал которой, к тому же, хранился не в системе приказных учреждений, а у старост гостинной сотни. Поэтому убежденно высказанное комментаторами списка предложение изменить на год дату жалованной грамоты гостям и торговым людям гостинной сотни, с 1648 по 1647 г., не представляется убедительным. Можно только присоединиться к мнению С. Н. Кистерева, заметившего, что «в настоящее время пока нет оснований пересматривать традиционную датировку грамоты»,⁶³ и, добавим мы, вряд ли такие основания появятся и в дальнейшем.⁶⁴

Кроме докладной выписи в состав сборника не вошла и грамота арзамасскому воеводе Тимофею Богдановичу Булгакову (Л. 77–79), что хотя бы отмечено в комментариях.⁶⁵ Невозможность прочесть текст этого, завершающего все дело документа не позволяет, во-первых, проверить высказанное предположение о справочно-вспомогательном характере списка с жалованной грамоты, а, во-вторых, правильно и четко определить суть этого, разбиравшегося боярином А. С. Матвеевым, дела, так как предпосланный трем опубликованным документам довольно длинный заголовок, несмотря на свою многозначительность, на наш взгляд, неправильно трактует смысл произошедшего.

---

⁶³ Кистерев С. Н. К изданию научного наследия Н. Б. Голиковой. С. 417. Примеч. 44.

⁶⁴ Комментаторы списка с жалованной грамоты как особо, по их мнению, весомым доказательством составления оригинала в 1647 г., а не в 1648 г. посчитали тот факт, что дата «7155-го августа в 26 день» повторяется в деле «трижды (в списке, выписке и в грамоте, посланной в Арзамас)» (Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 261). В данном случае читателям приходится верить археографам на слово (два последних документа не опубликованы), но и тогда, имея представление о механизме приказного делопроизводства, трудно относиться к подобному «доказательству» серьезно. Не случайно, С. Н. Кистерев справедливо заметил, что повторение, пусть и тройное, даты «не свидетельствует ... о верности», так как в двух последних вариантах подьячие просто повторили ошибочное обозначение списка (Кистерев С. Н. Структура гостинной сотни... С. 231. Примеч. 1).

Нельзя не обратить внимания и на еще одну допущенную Т. Б. Соловьевой и Т. А. Лаптевой неточность, связанную, на наш взгляд, все с тем же категорическим нежеланием (или непониманием необходимости) исходить при публикации документов из реально существовавшей делопроизводственной практики XVII в., а не из умозрительных и абстрактных представлений, основанных исключительно на содержании тех или иных актов. Имеем в виду археографическую легенду к списку с жалованной грамоты с указанием предшествующей публикации — ДАИ. Т. 3. СПб, 1848. № 44 (Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 216). Однако в этом серийном томе опубликован *другой* по происхождению и месту хранения документ: по мнению, С. Н. Кистерева — это текст «списка неизвестного происхождения, очевидно, снятого с подлинника (РНБ. Ф. 532. ОСАГ. Оп. 2. № 817)» (Кистерев С. Н. Структура гостинной сотни... С. 231–232. Примеч. 1).

⁶⁵ Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 262.

Т. Б. Соловьева и Т. А. Лаптева озаглавили изданные документы следующим образом: «О соблюдении воеводами Арзамаса административно-судебного и финансового иммунитета поташного промысла гостя С. Сверчкова в Арзамасском у.». ⁶⁶ Помимо того обстоятельства, что выражение «финансовый иммунитет» кажется нам весьма странным и непонятно что обозначающим, ⁶⁷ само содержание просьбы гостя и, соответственно, решения высшей инстанции, удовлетворившей ее, заключалось в другом.

С. Сверчков, жалуясь на арзамасских воевод, которые его приказчиков и людей «держат в съезжей избе за караулом и велят во всяких затейных и поклепных исцовых исках отвечать вневолю», в то время как «...по исконным великих государей милостивым жалованным грамотам в городех воеводам и всяким приказным людям нас, холопей твоих, гостей и прикащиков и людишек наших ни в каких исцовых делах судить и ведать не указано, а ведать во всяких делах росправою на Москве в Приказе Большие Казны», ⁶⁸ просил дать грамоту с прочетом в Арзамас с предписанием местным властям «не ведать» его приказчиков и людей. Именно такое распоряжение в совершенно стандартной формулировке было отдано А. С. Матвеевым после выслушанного доклада — «не велеть людей ево, Семеновых, воеводе в Арзамасе судом ведать, кроме татиных и разбойных и убивственных дел» — и, очевидно, повторено в грамоте Т. Б. Булгакову. Следовательно, ни о каком административном и уж, тем более, «финансовом» иммунитете речь в документах не шла, и все дело сводилось к требованию гостем С. Сверчковым выполнения одной из дарованных придворному купечеству привилегий — праве суда только в Москве и только в определенном приказе. И в данном случае, как и в предыдущем примере с В. И. Грудцыным, полная публикация всех документов дела, особенно, заключительного акта — отпуска грамоты арзамасскому воеводе с предельно четко выраженным распоряжением центральной власти — способствовала бы лучшему пониманию смысла конфликта 1676 г. и не вводила бы не слишком внимательных и ориентирующихся только на заголовки читателей в заблуждение.

⁶⁶ Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 258.

⁶⁷ Immunitas — освобождение, избавление от чего-либо; с юридической точки зрения — исключительное право лиц, занимающих особое положение в государстве, не подчиняться некоторым постановлениям/законам. Означает ли в таком случае выражение «финансовый иммунитет» тот факт, что гость С. Сверчков должен был быть поставлен вне рамок финансовой системы государства?

⁶⁸ Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 258. Орфография публикации.

Не меньшее сожаление вызывает и способ публикации значительно большего по объему (не менее 175 листов) судебного дела 1671–1672 годов о наследовании имущества и дворов торговых людей Тверди-
ковых,⁶⁹ в отношении которого составители сборника в целом справедливо заметили, что «публикуемое дело является уникальным памятником гражданского судопроизводства». Впрочем, стоит уточнить: в данном случае под «гражданским», в противоположность уголовному, следует понимать только одну из отраслей права, а именно, наследственное, так как судебные дела в других сферах гражданско-правовых отношений сохранились в фондах тех же четвертных, Разрядного, Поместного и других приказов в большом количестве.⁷⁰

Однако декларируемая уникальность не помешала тому, что из всего этого отнюдь не маленького столбца в состав сборника попали всего восемь документов:

1) 1671 г. марта 20. — Челобитная дьяка Андрея Галкина (л. 23–24);

2) 1660 г. февраля 17. — Духовная жены дьяка А. Галкина Прасковьи Григорьевны, дочери гостя Григория Твердикова (л. 31–36);

3) 1671 г. марта 24. — Челобитная гостей Федора Юрьева и Киприана Климшина и гостиной сотни Федора Климшина (л. 38–39);

4) 1671 г. октября 23. — Сказка дьяка А. Галкина (л. 58–61);

5) 1671 г. ноября 28. — Роспись расходов дьяка А. Галкина по духовной Домны Елизарьевой дочери Твердиковой, вдовы гостя Максима Григорьевича Твердикова (л. 68–69);

6) 1671 г. ноября 28. — Роспись денег, израсходованных дьяком А. Галкиным на уплату долгов гостиной сотни Максима Ильича Твердикова (л. 70–75; в археографической легенде ошибочно — л. 70–74);

7) 1671 г. ноября 5. — Челобитная гостиной сотни М. И. Твердикова (л. 1–3);

8) 1672 г. августа 14. — Челобитная гостиной сотни М. И. Твердикова (л. 13–15).

Таким образом, в отличие от двух предыдущих комплексов, опубликованных примерно наполовину, делу о наследстве Тверди-
ковых повезло еще меньше — в сборник вошло 28 листов, то есть 16% от общего объема. Вне рамок издания остались, насколько можно

---

⁶⁹ Привилегированное купечество России... Т. 1. № 44.

⁷⁰ Показательно, например, что среди более чем 50 тяжб, ведшихся гостем И. Д. Панкратьевым во второй половине XVII в., только две представляли собой уголовные дела (Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № VI; Т. 4. № XV), а все остальные были связаны с теми или иными сторонами имущественных отношений.

судить из скудных и отрывочных сведений комментария к источнику, по крайней мере, еще две челобитные дьяка А. Галкина, выписи из духовной этого лица, сделанная в Патриаршем разряде, выписи из московских писцовых книг 1620/21 и 1638/39 годов, причем, если материалы за 1638/39 г. опубликованы⁷¹ и читатель при необходимости может сам получить интересующие его данные из издания XIX в. (затраченные на это время и усилия пользователя публикации археографы XXI столетия во внимание, очевидно, не принимают!), то сведения из книг начала 1620-х годов, по-видимому, уникальны и, как представляется, нуждались бы в обязательной публикации.

Не спасает, а, на наш взгляд, еще более усугубляет положение тот факт, что фрагменты некоторых неопубликованных документов помещены в комментариях, например, челобитной дьяка А. Галкина 1664 г., поданной от имени малолетнего тогда Максима Ильича Твердикова, и его духовной.⁷² Во-первых, оба документа представлены все равно не полностью, а в наиболее интересных с точки зрения Т. Б. Соловьевой и Т. А. Лаптевой извлечениях, что придает данной публикации подчеркнуто иллюстративный характер. А во-вторых, читателю остается совершенно непонятным место нахождения этих документов в структуре всего дела XVII в., которое, как хорошо видно из приведенного выше перечня, в современном издании представляется хаотическим набором мало связанных друг с другом материалов.

Высказанное мнение базируется на вызывающем недоумение порядке расположения листов в сборнике, когда начальные листы столбца (л. 1–3 и 13–15) помещаются в конце публикуемой подборки. И опять читатель вынужден, из-за отсутствия каких-либо пояснений со стороны археографов, задаться вопросом о причинах путаницы: является ли она следствием небрежной работ архивистов предшествующих столетий при расклеивании, нумерации, реставрации листов свитка или проистекает из нежелания (не хочется думать — неумения) современных публикаторов разобраться в структуре «уникального» исторического источника. Верен, к сожалению, на наш взгляд, второй ответ.

Нетрудно понять, что при выбранном способе распределения документов Т. Б. Соловьева и Т. А. Лаптева руководствовались привычным формально-хронологическим принципом, берущим свое начало в «актовой» археографии XIX в. Такой подход, вполне возможный, когда речь идет о простейших делопроизводственных комплексах

⁷¹ См.: Переписная книга города Москвы 1638 года. М., 1881.

⁷² Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 206–207.

(челобитная — выпись по ней — приговор — грамота во исполнение приговора), вряд ли применим по отношению к сложным, включающим в себя несколько микрокомплексов, делам. При обращении к таким источникам гораздо более целесообразным представляется исходить из положений «столбцовой» археографии, когда единицей исследования и, соответственно, издания является не отдельный документ, а их сформированная в XVII в. естественная совокупность — столбец/дело с присущей данному виду исторических источников внутренней структурой, когда поступающие в приказы со стороны материалы (комплексы документов местных учреждений, привезенные иностранные грамоты и т. д.) или привлеченные по необходимости более ранние акты включались в столбец в соответствии с датой того документа, благодаря которому они попадали в данную делопроизводственную единицу (например, с воеводскими отписками), а не исходя из их собственных датировок, которые, естественно, приходились на более ранний период. Поэтому, по нашему уже не просто мнению, а твердому убеждению, вместо имеющей долгую традицию умозрительной хронологической «систематизации» отдельных документов самими археографами необходимо, прежде всего, понять логику формирования дел XVII в., а затем как можно более точно воспроизвести ее в издании.⁷³

Как представляется, именно такое нарушение внутренних связей между документами одного дела,⁷⁴ характерное для многих изданий XIX в., и, как видим, для сборников документов гораздо более позднего времени, привело к представлению о полной хаотичности приказного делопроизводства и царящей в документах отдельных приказов неразберихе,⁷⁵ представлению, которое в настоящее время,

---

⁷³ Подробнее о недопустимости строго хронологического расположения документов при издании материалов единых дел/столбцов и ошибках, неминуемо подстерегающих публикаторов при подобном подходе к источникам, см.: Тимошина Л. А. Публикация «бранденбургской» посольской книги как явление археографии // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 5. М.; СПб., 2014. С. 101–104.

Примеры включения в судебные дела нескольких микрокомплексов документов, хронологически не следующих друг за другом, см.: Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № VI, XXII, XXIII; Т. 4. № VI (часть Г), XVII, XXIII.

⁷⁴ В делах различного типа — «о приездах», судебных, административных и уголовных, и т. д. — последовательность расположения документов отдельных видов будет различаться, но в однотипных делах общий порядок их следования практически всегда, если речь не идет о происшедших с течением времени утратах, остается неизменным.

⁷⁵ Характерно выражение Н. В. Устюгова о «бессистемности приказного строя» (Устюгов Н. В. Центральное управление // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 383). Наиболее полный анализ историографии по истории приказов см.: Петров К. В. Приказная система управления в России в конце

благодаря детальному исследованию системы деятельности отдельных учреждений, начинает меняться.⁷⁶

Такой прямолинейно-хронологический способ расположения документов большого многолистного дела, представляющего собой единый столбец, в рассматриваемом сборнике документов тем более удивителен, что в предисловии вышедшего до этой публикации другого издания те же самые археографы Т. Б. Соловьева и Т. А. Лаптева, на этот раз в соавторстве с Г. М. Коваленко, характеризуя порядок следования документов, совершенно справедливо и очень точно написали: «Составители отказались от традиционного способа систематизации документов в издании по хронологическому признаку (т. е. по дате документа) и предпочли сохранить структуру следственного дела и ту последовательность документов в нем, которая сложилась в склеенном столбце в ходе приказного делопроизводства».⁷⁷ Почему же через три года публикаторы отказались от такого подхода? И следует ли на этом основании считать его инициатором только Г. М. Коваленко?

Что же касается судебных дел, а таковым и является дело об имуществе Твердиковых, то в их отношении необходимо учитывать, что любое разбирательство, независимо от его юридической квалификации, начиналось подачей в приказ или в учреждение местного управления инициативной челобитной истца, к которой затем, в ходе процесса, по требованию судебных органов или по желанию тяжущихся сторон для доказательства своей правоты добавлялись другие, хронологически часто не совпадающие друг с другом документы.⁷⁸ По-

---

XV — начале XVII вв.: формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. М.; СПб., 2005.

⁷⁶ См., например: *Новохатко О. В.* 1) Разряд в 185 году. М., 2007; 2) Эффективность государственного управления во второй половине XVII в. // Российская государственность: опыт 1150-летней истории. Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 123–129.

⁷⁷ От составителей // «Мятежное время». Следственное дело о Новгородском восстании 1650 года. СПб.; Кишинев, 2001. С. 9.

⁷⁸ Наиболее ярким примером такого рода подборок является длившееся два года (1684 г. не позднее сентября 9 — 1686 г. не позднее августа 14) судебное разбирательство об убийстве работного человека гостя Ивана Даниловича Панкратьева Ивана Якимова старцем Соловецкого монастыря Афанасием и приказчиком гостя Остафия Ивановича Филатьева Филиппом Федоровым с. Турчанином, когда в состав основного дела были включены не только хронологически разновременные (в пределах двух лет) документы, присланные в Новгородский приказ яренским сыщиком Григорием Шарыгиным, который разбирал обстоятельства убийства на месте (Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 4. № XV. С. 191–199), но и еще одно уголовное дело об убийстве людьми гостя И. Д. Панкратьева крестьянина Осипа

этому начальной датой судебного дела является дата этого первого, инициативного документа, которым и должна открываться публикация, а все остальные материалы надо воспроизводить, следуя внутренней делопроизводственной логике формирования столбца с учетом включенных в него микрокомплексов, даже если при этом будет нарушена «строгая» (в понимании некоторых современных археографов) хронологическая последовательность.

В деле Твердиковых таким начальным документом была челобитная торгового человека гостиной сотни Максима Ильича Твердикова от 5 ноября 1671 г., находящаяся в составе столбца первой (л. 1–3), но в публикации занимающая предпоследнее место, а отнюдь не челобитная дьяка Андрея Галкина от 20 марта 1671 г. (л. 23–24), которой, исходя из текста челобитной М. И. Твердикова, открывалось более раннее разбирательство в Земском приказе о возможности записи за дьяком дворов предшествующих поколений семьи гостей. Суть обращения М. И. Твердикова состоит в следующем: во-первых, он просит не записывать дворы его деда, отца и дяди за А. Галкиным по челобитной этого последнего в Земском приказе, во-вторых, — «розыскать патриаршим приказом» про духовные его бабки Домны и тетки Прасковьи Твердиковой, жены А. Галкина, и, наконец, — «снести» все челобитные претендентов на недвижимое имущество в один приказ. И, насколько об этом можно судить по более чем фрагментарно опубликованным материалам, все дальнейшие листы столбца были связаны с выполнением этой трехчастной просьбы гостя.

Прежде всего, по анонимной дьячьей помете⁷⁹ на обороте документа с изложением государева пожалования дела действительно было предписано «снести вместе», отсюда в составе настоящего столбца и появился, вероятно, комплекс документации Земского приказа, откры-

---

Блудова 1674–1677 годов, отстоящее от первого на десять лет (Там же. С. 199–200). Очевидно, что выстраивать при публикации все документы этого огромного, на 483 листах, столбца по строгой хронологии было бы нелепо, и поэтому все дело об убийстве Ивана Якимова было издано с сохранением его внутренней структуры (Там же. С. 224–525).

⁷⁹ И здесь не можем еще раз не обратить внимание читателей на полное игнорирование археографами такой составляющей публикации, как палеографическая характеристика почерков, дающая возможность персонифицировать приказных служителей, участвовавших в делах, а следовательно, определить их роль и место в судебном разбирательстве. Между тем, благодаря, во многом, именно скрупулезному палеографическому анализу почерков деятелей Разрядного приказа различного ранга О. В. Новохатко удалось в подробностях показать внутреннюю деятельность приказа, объемы и направления работы входящих в его штат лиц, начиная от молодых подьячих и заканчивая думным дьяком (см.: *Новохатко О. В.* Разряд в 185 году).

вавшийся опубликованной челобитной дьяка А. Галкина от 20 марта 1671 г.⁸⁰ Однако представить объем и видовой состав этих материалов, кроме того обстоятельства, что, по-видимому, именно в них входили выписи из московских писцовой и переписной книг и процитированный в комментариях приговор судей Земского приказа думного дворянина П. К. Елизарова и дьяка С. В. Ларионова,⁸¹ издание не позволяет, как не позволяет с хоть какой-то степенью уверенности говорить и о втором возможном комплексе — тех самых документах из Патриаршего разрядного приказа с результатами розыска о духовных Домны Твердиковой и Прасковьи Галкиной, о проведении которого просил их родственник.⁸² Такие материалы в Разряд были присланы и, соответственно, вошли в состав столбца. И, наконец, дело действительно было перенесено в один приказ — Разрядный, но причины и обстоятельства переноса, как, равным образом, и выбора этого учреждения при обращении к сборнику документов остаются непонятными. Заметим, что просьбы о переносе дел в те приказы, где были подведомственны участвовавшие в конфликте лица или подсудны ответчики, наблюдаются нередко. И в данном случае принятое решение заманчиво было бы объяснить тем обстоятельством, что и дьяк А. Галкин,⁸³ и казанец Дмитрий Аристов, которого А. Галкин пустил жить в дворы Твердиковых, ведались этим учреждением, но служилые люди соответствующих просьб не подавали, а сам дьяк был даже против переноса дела в Разрядный приказ. Поэтому весьма интересный для изучения судебного делопроизводства и истории центральных государственных учреждений казус продолжает оставаться загадочным.

По-видимому, сами археографы чувствовали, что восьми опубликованных ими документов явно недостаточно для уяснения сути

⁸⁰ Привилегированное купечество России... Т. 1. № 44.1. С. 186–187.

⁸¹ Там же. С. 207.

⁸² Там же.

⁸³ Как следует из второй челобитной М. И. Твердикова от 14 августа 1672 г. (Там же. № 44.8. С. 203) дьяк Андрей Галкин умер «в нынешнем ... в 180-м году», то есть в период между 1 сентября 1671 г. и 14 августа 1672 г. Составители без каких-либо уточняющих сведений отметили, что дьяк А. Галкин умер в августе 1672 г. (Там же. С. 205, комментарий), а в справочнике Н. Ф. Демидовой читаем в отношении этого лица — «1671 умер» со ссылкой (что самое удивительное!) на тот же самый столбец Разрядного приказа, отрывки из которого опубликованы в сборнике о привилегированном купечестве, но на л. 194 (Демидова Н. Ф. С. Служилая бюрократия в России... С. 132, 687), который Т. Б. Соловьева и Т. А. Лаптева, в свою очередь, в деле вообще не указали. Так когда же все-таки скончался дьяк? И что же делать читателю, не имеющему возможность самому ознакомиться со столбцом, в ситуации, когда основанные на одном и том же источнике данные археографического издания и справочника различаются?

конфликта и время от времени в подстрочных примечаниях давали ссылки на те или иные листы архивной единицы хранения с указанием имеющихся на них документов, например: «Ф. А. Матвеев продал погреб „отца своего суконной сотни Андрея Матвеева“ (см. Л. 80–82. Список)»; «Челобитные И. С. Хитрово и поступная дьяка (Там же. Л. 45–476, 55, 114, 117, 154, 161)»; «Приговор 1671 декабря 9 в Земском приказе о возврате денег И. С. Хитрово с дьяка А. Галкина и дьяку А. Галкину с М. И. Твердиковым по платежным росписям (Там же. Л. 144–145)»,⁸⁴ и др. Однако цель помещения столь «ценных» указаний неясна — получается, что читателю тем самым предлагается самому пойти в архив и посмотреть необходимые листы подлинника. В чем же тогда смысл подготовки публикации?

Самое же удивительное в подходе археографов к делу Твердикова состоит в том, что, так или иначе опубликовав инициативную челобитную Максима Ильича, Т. Б. Соловьева и Т. А. Лаптева не поместили в сборнике приговор, который, судя по их же данным, в столбце сохранился. Зато к имеющейся на обороте указанной челобитной М. И. Твердикова анонимной дьячьей помете составителями тома сделано примечание «Указ по помете см. Л. 173–174».⁸⁵ Разумеется, указ, от какой бы инстанции он ни исходил, в системе судебного приказного делопроизводства готовился не «по помете», а на основании рассмотрения всех материалов дела, изложенных, скорее всего, как свидетельствуют другие судебные дела, в докладной выписи. Конечно, эти источниковедческие тонкости не имеют непосредственного отношения к гостям и торговым людям гостиной сотни, но, тем не менее, отсутствие приговора так и не позволяет читателю понять, ни чем закончилось дело о дворах и имуществе тех самых московских гостей, которым и посвящен сборник, ни, хотя бы приблизительно, восстановить правильную последовательность документов «уникального памятника».

В целом, опубликованные в сборнике восемь документов из большого и, по-видимому, информационно насыщенного дела о наследстве Твердиковых позволяют получить, по преимуществу, конечно же, весьма полезные, но ограниченные просопографические данные об этой семье.⁸⁶ А многие другие интересные вопросы — экономическое и социальное место гостей Твердиковых в торгово-предприни-

---

⁸⁴ Привилегированное купечество России... Т. 1. С. 196. Примеч. 3; С. 200. Примеч. 1; С. 203. Примеч. 2.

⁸⁵ Там же. № 44.7. С. 201. Примеч. 3.

⁸⁶ О том, что именно эти сведения больше всего интересовали составителей, свидетельствует помещенная вслед за текстами и комментариями единственная в томе генеалогическая таблица, посвященная семье Твердиковых (Там же. С. 208).

мательском мире Москвы, тонкости их взаимоотношений с другой категорией служилых людей — дьяками, особенности деятельности центральных приказов, в том числе таких, как Земский и Патриарший разрядный, фонды которых до настоящего времени практически не сохранились, в сфере судебного делопроизводства и многие другие — остаются в тени. Поэтому и говорить о сколько-нибудь представительной публикации материалов этого столбца, избавляющей читателя от необходимости обращаться к архивному подлиннику, не приходится.

Более того, нет никакой уверенности, что целый ряд отдельных документов, содержащихся в этом сборнике и не имеющих в своих заголовках слов «Дело...» или «Из дела...», в действительности не являются частью тех или иных комплексов приказной документации. Особенно большие сомнения возникают при обращении к опубликованным под отдельными номерами, то есть как будто не связанным между собой документам, которые, тем не менее, входят в состав единых столбцов, посвященных некоторым вопросам внутреннего управления.

Речь идет о ежегодно рассматривавшихся в четвертных приказах делах о назначении руководителей таможен крупнейших городов из числа гостей и торговых людей гостиной сотни, в состав которых входили документы о начальном процессе выбора голов (памяти из четвертных приказов в Большую казну о выборе человека на эту должность и ответы с указанием фамилии конкретного лица), получения ими необходимых инструкций (отпуски общих наказов таможенным головам и памяти по отдельным, входящим в их компетенцию вопросам) и передачи новым головам документов, денежной казны и материальных припасов от их предшественников (грамоты городовым воеводам с предписанием выслать в Москву голов предыдущего года и грамоты этим «старым» таможенным головам о поездке в Москву с таможенными книгами и денежной казной, их «рописные списки» и т. д.). Эти дела составляют, как правило, не маленькие по объему столбцы с более чем десятком отдельных документов в каждом, число которых может существенно возрастать в случае постоянно возникавших конфликтных ситуаций при взаиморасчетах отъезжающих и приехавших голов.

В указанном сборнике такие дела представлены, в частности, материалами о смене и деятельности гостей у пристани и таможенных и кабацких голов в Архангельске и Холмогорах в 1631/32–1632/33 годах, когда гость Иван Озеров и гостиной сотни Федор Мельцов передавали свои полномочия гостю Бахтеяру Булгакову и гостиной сотни Юрию Коткину, в 1632/33–1633/34 годах эти последние — гостиной сотни Ивану Григорьевичу Твердикову и Леонтию Подошевинову,

и в 1634/35 г., когда И. Г. Твердилов и Л. Подошевичевы были заменены гостинной сотни Богданом Цветным и Дмитрием Федосеевым. Составители тома опубликовали под отдельными номерами десять документов из пяти дел, причем в одном случае документы одного же дела следуют не друг за другом, а разделены между собой еще двумя номерами.⁸⁷

Логика археографов, отобравших для включения в том очень небольшое количество подобных документов, понятна. Посвятив издание истории привилегированного купечества, Т. Б. Соловьева и Т. А. Лаптева, видимо, решили преимущественно опубликовать, за двумя исключениями, документы, исходящие непосредственно от гостей и торговых людей гостинной сотни — их отписки и памяти,⁸⁸ оставив в стороне все другие материалы, не менее, на наш взгляд, тесно связанные с деятельностью выбранных ими «героев» публикации.⁸⁹ В частности, из археографической легенды после памяти из приказа Большой казны в Новгородскую четверть о безопасном проезде торговых людей Купецкой палаты во главе с гостинной сотни Ники-

---

⁸⁷ 1) РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1633 г. № 41. Л. 1–5 (Привилегированное купечество России... № 24, с ошибкой в археографической легенде — Л. 15), 24 (Там же. № 25); 2) РГАДА. Ф. 141. 1633 г. № 42. Л. 84–85 (Там же. № 26), 68 (Там же. № 29); 3) РГАДА. Ф. 141. 1626 г. № 7. Л. 62–64 (Там же. № 27), 65 (Там же. № 28); 4) РГАДА. Ф. 141. 1634 г. № 31. Л. 1–2 (Там же. № 31, с ошибкой в археографической легенде — Л. 13), 46–50 (Там же. № 32); 5) РГАДА. Ф. 141. 1634 г. № 45. Л. 28–31 (Там же. № 33), 32–34 (Там же. № 34).

В отношении третьего из упомянутых дел (РГАДА. Ф. 141. 1626 г. № 7) нельзя не отметить имеющуюся в справочных материалах весьма досадную и дезориентирующую читателей несогласованность. В оригинале описи XVIII в. фонда-коллекции «Приказные дела старых лет» эта единица хранения имеет название «Таможенные и другая всякая дела Новгородской четверти (листы почти все погнили и разодраны)» (Оп. 1. Ч. 1. Л. 96 об.), что тематически соответствует изданным в сборнике документам. Однако в опубликованном варианте этой же первой части описи с составленными заново или существенным образом отредактированными заголовками под указанным шифром значится «Новгородская четверть. 1658 г., февр. 10. Сыскное дело по обвинению кн. Андрея Афанасьевича Вяземского в том, что брал посулы и поминки с солдат Горской вол. Олонецкого у.» (*Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — начала XVII веков* (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Вып. 3 / Под ред. Н. Ф. Демидовой. М., 1999. С. 126). Мы затрудняемся объяснить причину такого разночтения, как и не можем с полной уверенностью сказать, какой же заголовок является в настоящее время действительным.

⁸⁸ Привилегированное купечество России... № 24–28, 31, 33 и 34.

⁸⁹ Как представляется, даже исходя из этого, чрезвычайно узкого критерия, в пяти упомянутых делах осталось еще много подобных же документов, которые в публикацию не попали.

фором Ревякиным с ефимочной казной из Архангельска в Вологду⁹⁰ следует, что вслед за опубликованным листом на трех следующих находится грамота к тем же самым двинским таможенным и кабацким головам гостю Б. Булгакову и гостиной сотни Ю. Коткину, которая составителей сборника совершенно не заинтересовала. Точно также из археографической легенды ко второму официальному документу, грамоте на Двину таможенным и кабацким головам Б. Цветному и Д. Федосееву о досмотре товаров у приезжающих в Архангельск торговых иноземцев и взятии у них росписей⁹¹ понятно, что ей предшествовала отписка этих же таможенных голов, благополучно сохранившаяся в деле.⁹² Более того, выясняется что там есть и еще один, хронологически более поздний такой же микрокомплекс «отписка-грамота» по этому же вопросу, который в публикацию не вошел.

В результате, создается впечатление, что составителей тома интересовали, по большому счету, только сами упоминания имен гостей и торговых людей гостиной сотни в том или ином году, но никак не их реальная жизнь и деятельность, которая, благодаря выбранному подходу, представлена отрывочно и бессистемно. И поэтому заявленное в первых строках предисловия теоретически совершенно правильное положение о том, что «в настоящей публикации представлены документы по истории привилегированного российского купечества во второй половине XVI первой четверти XVIII в., а, следовательно, по истории экономики, торговли, промышленности, финансов России периода позднего средневековья и начала нового времени»⁹³ осталось таковым только на бумаге, так как на основании произвольной выборки документов изучать особенности экономической жизни страны, ее финансового и государственного управления и тому подобные вопросы кажется затруднительным.

Мы, конечно же, отдаем себе отчет в том, что «пофондовая» публикация всех дел таких собраний, как фонды-коллекции «Приказные дела старых лет» или «Приказные дела новой разборки», в настоящее время так же мало осуществима, как и столбцов Поместного приказа. Тем не менее, по нашему мнению, даже в такой, тематической, публикации было бы гораздо целесообразнее и интереснее

---

⁹⁰ Привилегированное купечество России... № 29.

⁹¹ Там же. № 32.

⁹² Неразрывная связь двух документов — отписки местного должностного лица и ответной грамоты из центрального приказа — очевидна при анализе любых делопроизводственных комплексов XVII в. и наличие в публикации только грамоты сразу же заставляет предполагать утрату отписки.

⁹³ Соловьева Т. Б. Предисловие // Привилегированное купечество России... С. 5.

представлять не отдельные документы, а целостные дела, связанные с именами гостей и торговых людей гостиной сотни, пусть и с уменьшением их количества или хронологического охвата, что исключает субъективный, «вкусовой» подход и дает читателю возможность самому составить представление об особенностях жизни и деятельности представителей хотя бы нескольких семей придворного купечества.

Не меньший урон структуре делопроизводственных комплексов XVII в. и, соответственно, качеству изданий наносится и в том случае, когда документы даже полностью опубликованных дел/столбцов располагаются по заранее созданным археографами, но не имеющимся в архивных подлинниках рубрикам.

Примером такого подхода служит сборник документов о восстаниях в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII в., состоящий из трех разделов:

1. «Материалы, характеризующие деятельность правительства Петра I, направленную на подавление астраханского восстания 1705–1706 гг.»;

2. «Материалы, характеризующие деятельность восставших астраханцев и созданных ими органов управления» с внутренней группировкой по отдельным видам документов — переписка восставших, отписки, доклады, челобитные, памяти и т. д.;

3. «Документы следствия по делу участников Астраханского восстания».⁹⁴

Понятно, что часть материалов первого раздела, например, письма Петра I или отдельные отписки воевод поволжских городов о событиях восстания, которые аккумулировались в столбцах «общего состава» по управлению той или иной территорией, представлены именно одиночными документами, что не вызывает особых возражений. Но не менее очевидно и другое: в системе приказного делопроизводства, как правило, существовала неразрывная «парная» связь: челобитная — распорядительная грамота того или иного вида (в простейшей делопроизводственной единице), отписка низшей инстанции в высшую — соответствующий ответ и наоборот и т. д., с одной стороны. А с другой — часто трудно провести разделительную линию между материалами о подавлении восстания и материалами следствия, которые очень часто представляли собой одно дело/столбец. Поэтому такое дробление по искусственно созданным тематическим разделам единых, во многом уникальных и по содержанию, и по структуре столбцов, как, например, комплекс материалов восставших, ко-

---

⁹⁴ Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сборник документов / Подгот. Н. Б. Голикова. М., 2004. С. III–XIX.

торый после подавления движения был доставлен в Москву, вкупе все с тем же никак не оправданным логикой приказного делопроизводства строго-хронологическим расположением документов, представляется мало оправданным.⁹⁵ Впрочем, весь этот документальный комплекс был собран Н. Б. Голиковой и подготовлен к публикации задолго до появления издания в свет — в период написания ею в первой половине 1970-х годов монографии по истории Астраханского восстания,⁹⁶ когда подобный разрушительный «антиисточниковый» подход был весьма распространен не только в археографии, но и в собственно исторических сочинениях.⁹⁷

Рассмотрев два сборника, в заголовках к документом которых есть хоть сколько-то обнадеживающие слова «Дело...» или «Из дела...», указывающие на понимание, пусть и не всегда и часто не в должной степени, археографами необходимости публикации целостных ком-

---

⁹⁵ Так, столбец с перепиской правительственных чиновников о событиях в Астрахани и на Нижней Волге (РГАДА. Ф. 6. Уголовные дела по государственным преступлениям. Оп. 1. Д. 17) оказался разделенным натрое (Социальные движения в городах Нижнего Поволжья... Раздел 1. № 17, 18, 22, 27, 28, 33, 38 и др.; Раздел 2. № 88; Раздел 3. № 240, 244), столбец, содержащий переписку участников восстания — надвое (Там же. Раздел 1. № 23; Раздел 2. № 77–84, 86, 93–96) и др.

⁹⁶ Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975.

⁹⁷ Именно по такому тематически-видовому принципу построены не только публикация материалов по другому известному восстанию начала 1670-х годов (Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1–4. М., 1954–1976), но и монографическое исследование по этой же теме (Буганов В. И. Разин и разинцы. М., 1995 (Разделы — 1. Документы восставших; 2. Расспросные и пыточные речи восставших; 3. Правительственная документация; 4. Описания современников)). Особенно не повезло в этом отношении некоторым видам документов, например, челобитным, яркий, образный язык которых привлек к ним интерес филологов, изучавших и публиковавших эти документы, конечно, же, не с источниковедческих позиций, а только как изолированные источники для истории русского языка (см., например: Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968; Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984; Волков С. С. 1) Лексика русских челобитных XVII века (формуляр, традиционные этикетные и смысловые средства). Л., 1974; 2) Типовые средства выражения некоторых понятий в русских челобитных XVII в. // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 2. Л., 1977. С. 100–121; и другие работы этого автора; Комарова Л. Э. Тюменские челобитные XVII — первой четверти XVIII века как лингвистический источник: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2000; и другие работы этого автора; Леонова Ю. Ю. Языковая объективация просьбы в челобитных XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013; и другие работы этого автора). Имеются, однако, и подготовленные историками публикации, где челобитные даются вне контекста дел, неотъемлемой частью которых они являются (см.: Крестьянские челобитные XVII в. из собрания Государственного исторического музея / Отв. ред Е. И. Индова. М., 1994).

плексов, и сборник с ярко выраженным тематическим делением, обратимся теперь к некоторым изданиям, основанным на таком же приказном делопроизводственном материале, где подобная постановка вопроса о необходимости публикации целостных дел или вообще отсутствует, или представляется явной случайностью. А читатель, в итоге, получает только названия отдельных документов и об их изначальной принадлежности единому комплексу должен догадываться сам, опираясь на археографические легенды и свои представления о принципах приказного делопроизводства.

Ярким примером такого метода археографической работы, который при всем желании трудно назвать положительным, служит публикация документов, посвященных событиям Смутного времени.⁹⁸

Прежде всего, обращаясь к этому изданию, стоит отметить бросающуюся в глаза «вторичность» содержащихся в нем материалов, что впрочем, честно отмечено в написанном В. И. Бугановым и Р. В. Овчинниковым предисловии:⁹⁹ «Всего в сборнике помещено 219 документов. Большая часть их была ранее опубликована в различных изданиях, и лишь около одной трети документов, выявленных в архивах в последние годы,¹⁰⁰ в ходе подготовки данного сборника печатаются здесь впервые».¹⁰¹ И действительно, ранее не публиковались только 65 (29,6%) документов,¹⁰² причем большинство из них (58 номеров)

---

⁹⁸ Народное движение в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. Сборник документов / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2003.

⁹⁹ Несколько смущает то обстоятельство, что один из авторов, Виктор Иванович Буганов, умер за семь лет (23 февраля 1996 г.) до подписания сборника в печать (21 апреля 2003 г.). Значит ли это, исходя из обычной археографической практики, когда предисловие пишется к полностью подготовленному изданию, что весь корпус документов с необходимым научно-справочным аппаратом был готов уже в середине 1990-х годов и потом только дождался своей публикации?

¹⁰⁰ В связи с высказанным выше недоумением (см. примеч. 99) по поводу хронологической двусмысленности не вполне понятно, что следует подразумевать под «последними годами» — время до начала 1996 г. или после?

¹⁰¹ Предисловие // Народное движение в России в эпоху Смуты... С. 4.

¹⁰² Заметим попутно, что мы не являемся такими уж ярыми противниками переиздания когда-то опубликованных документов, но и не видим на настоящем этапе развития археографии особого смысла в подобной работе при наличии огромных массивов остающихся вне широкого доступа в различных архивохранилищах материалов. Кроме того, археографы, прибегающие к подобной практике, чрезвычайно редко утруждают себя поиском, даже в тех немногочисленных случаях, когда это возможно сделать, архивных оригиналов документов, представленных в АИ, ДАИ, СГТД и других серийных изданиях XIX в., при явно низком качестве этих публикаций и необходимости его улучшения путем сверки печатных и рукописных текстов, что ведет к простому тиражированию малопригодных для проведения источниковедческих да и собственно исторических изысканий текстов. Конечно, аккумуляция под одной обложкой опубликованных многие десятилетия, а иногда и столетия

входит в третий раздел сборника, где сосредоточены более поздние материалы с ретроспективными сведениями о событиях 1606–1607 годов.¹⁰³ На наш взгляд, такая структура создает впечатление некоторой искусственности соединения этих трех разделов, а может быть, просто указывает на необходимость более точного с хронологической и содержательной стороны заголовка всего издания.

Что же касается неполностью опубликованных и просто утонувших среди массы разновременных и разнохарактерных документов произвольно выделенных фрагментов единых дел, то таких примеров в сборнике, к сожалению, немало. В частности, совершенно хаотично в издании представлены шесть документов из одного и того же столбца Поместного приказа (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Новгороду. № 43295):¹⁰⁴

назад подчас в труднодоступных изданиях тематически однородных материалов, как это сделано в рассматриваемом сборнике, куда включены, например, документы из таких не слишком очевидных для данной темы книг, как «Труды Харьковского подготовительного комитета по устройству XII археологического съезда» (Харьков, 1902) или исследования М. Яблочкова о тульском дворянстве (*Яблочков М. Дворянское сословие Тульской губернии*. Т. 3. М., 1901. Приложение) в определенной степени удобно. Однако в таком случае гораздо целесообразнее и последовательнее было бы, на наш взгляд, собрать воедино все относящиеся к обозначенному в заглавии сборника хронологическому периоду, 1601–1608 годам, и к заявленной теме документы («В предлагаемом вниманию читателей сборнике „Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века“ публикуются документальные источники, связанные с восстанием И. И. Болотникова» (Предисловие. С. 4)). В результате, читатель мог бы получить, с учетом ранее изданного сборника (Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959), полную подборку относительно немногочисленных источников по этому важному и интересному периоду начала XVII в. В действительности же часть документов из известных, например, публикаций Л. М. Сухотина (*Сухотин Л. М.* 1) Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг. М., 1912. Отд. оттиск (= ЧОИДР. 1912. Кн. 2); 2) Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (столбцы Печатного приказа). М., 1915. Отд. оттиск (= ЧОИДР. 1915. Кн. 4)) или А. М. Гневушева (Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 мая 19 — 1610 июля 17). М., 1914) так по-прежнему и осталась только в старых изданиях. Зато в сборник попали, что нам, честно говоря, совершенно непонятно, опубликованные, например, А. А. Зиминым и легкодоступные приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1605–1606 годов (*Зимин А. А. К истории восстания Болотникова* // ИЗ. Т. 24. М., 1947. С. 358–385; Народное движение в России в эпоху Смуты... № 16) и, что еще более удивительно, *фрагменты* из *полностью* изданных в известном ежегоднике приходо-расходных книг того же монастыря за 1606–1607 годы (*Тихомиров М. Н., Флоря Б. Н. Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1606–1607 гг.* // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 332–383; Народное движение в России в эпоху Смуты... № 18).

¹⁰³ В первых двух разделах, хронологически совпадающих с указанными в названии сборника датами, впервые опубликованы семь документов — № 4, 8, 39 (частично), 43, 51–53.

¹⁰⁴ Народное движение в России в эпоху Смуты... № 67–70, 72, 74.

1) «1609 г. августа 19. — Грамота Поместного приказа новгородским воеводам А. П. Куракину и И. В. Головину об отделе во владение В. И. Змееву части поместья Н. Г. Назимова, убитого в бою с восставшими под Тулой»¹⁰⁵ (№ 67; л. 1–2 об.);

2) «1609 г. августа, не позднее 19. — Выпись в Новгородской приказной палате о поместном окладе В. И. Змеева...»¹⁰⁶ (№ 68; л. 5–6);

3) «1609 г. августа, не ранее 19. — Челобитная новгородского дворянина П. Я. Ханыкова о передаче ему части поместья Н. Г. Назимова, убитого в бою с восставшими под Тулой в 1607 г.»¹⁰⁷ (№ 69; л. 37);

4) «1609 г. августа, не ранее 19.¹⁰⁸ — Сказка у выписи в Новгородской приказной палате о поместных окладах новгородских дворян Л. П. Ододурова и П. Я. Ханыкова...»¹⁰⁹ (№ 70; л. 38–39);

5) «1610 г. января 17. — Грамота Поместного приказа новгородским воеводам А. П. Куракину и И. В. Головину о пожаловании недоросля Е. Г. Мартьянова поместьем отца, умершего при осаде Тулы в 1607 г.» (№ 72; л. 122–123 об.);

---

¹⁰⁵ Содержание документа отражено в заголовке не полностью — первым пунктом новгородским воеводам предписывалось проведение сыска по писцовым и отдельным книгам про поместье самого В. И. Змеева.

¹⁰⁶ Здесь и далее пунктуация публикации. Дата, установленная археографами на основании предыдущего документа, неправильна: выпись из «дачных» книг 115-го года за приписью бывшего тогда в Новгороде дьяка Ефима Телепнева (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 509) могла быть сделана только *после* получения из Москвы грамоты с соответствующим распоряжением, то есть, как следует из пометы о подаче на обороте документа «118-го сентября в 29 день с Ыгнатъем Харламовым», не ранее 29 сентября 1609 г. Каким образом можно было, по мнению составителей, произвести эту работу не только до появления грамоты в Новгороде, но и до ее написания в Москве, остается загадкой.

¹⁰⁷ К дате документа составители посчитали нужным сделать примечание «Датировано по содержанию док. № 64 и 65» (*Народное движение в эпоху Смуты... С. 190. Примеч. **). Однако в указанных документах, заимствованных из публикации А. М. Гневушева, речь идет о событиях в Астрахани, а отнюдь не в Туле, и в другое время, в 1606–1608 годах (Там же. № 64, 65. С. 182–187). Очевидно, что эти два документа были добавлены к первоначальному блоку впоследствии, после общей нумерации всех помещенных там материалов, что подтверждает высказанное выше (см. примеч. 99, 100) предположение и о одновременности, и об отсутствии единства действий его составителей. Правильным в данной ситуации было бы, по-видимому, указание на документы № 67 и 68, но и в таком случае челобитная могла быть подана только после *получения* грамоты из Москвы, то есть после 29 сентября.

¹⁰⁸ Следует — 1609 г. сентября не ранее 29.

¹⁰⁹ Более точным было бы «Сказка у выписи в Новгородской приказной палате новгородских дворян Л. П. Ододурова и П. Я. Ханыкова о своих поместных окладах...», так как именно эти лица, а не некие анонимы, как следует из заголовка публикации, и давали эту сказку.

6) «1610 г. января 29. — Грамота Поместного приказа новгородским воеводам А. П. Куракину, И. В. Головину и М. Б. Бобарыкину о пожаловании служилого татарина Уразлея Тевкелева выморочным поместьем Г. Асанова и поместьем новокрещена Я. Еркутаева, перешедшего в 1607 г. на сторону восставших» (№ 74; л. 47–48).

Очевидно, что речь идет о трех разбиравшихся в Новгороде делах о пожалованиях трех же лиц, В. И. Змеева, Е. Г. Мартьянова и татарина У. Тевкелева, землями погибших в 1607 г. под Тулой или перешедших на сторону восставших лиц, причем из первого дела, занимающего, судя по всему, не менее 39 столбцовых листов, были опубликованы семь, а из двух оставшихся, общие размеры которых остаются неизвестными, вообще по одному.

Правда, из археографических легенд нетрудно понять, что такой способ издания единичных документов из именно этих целостных дел был применен почти за 50 лет до выхода настоящего тома, в 1956 г., В. И. Корецким, и современные публикаторы только повторили сделанное предшественником. Очевидно, что сам В. И. Корецкий и в этой, и во многих других работах руководствовался своим, описанным выше, принципом извлечения из столбцов и изучения «уникальных» документов. Однако на месте современных археографов вместо повторения уже давно введенных в научный оборот шести текстов можно было бы представить этот, во многом уникальный, присланный в Москву из Новгорода, по всей вероятности, после пожара 1626 г. столбец в полном объеме, то есть опубликовать все имеющиеся в нем дела, связанные с событиями 1607 г.¹¹⁰ А в итоге читатель лишился возможности получить хоть какие-то сведения о реальных обстоятельствах выполнения просьб челобитчиков, величине их поместных окладов, наличии других претендентов на указанные земли и т. д., и вместо многообразной картины русской действительности единственным достигнутым результатом стало появление нескольких имен и фамилий лиц, участвовавших в столкновениях под Тулой.¹¹¹

Мы не будем останавливаться на других, имеющихся в сборнике во множестве, примерах повторной публикации и обратим внимание читателей на некоторые новые материалы, для которых характерен,

¹¹⁰ Именно по этой причине — постоянного воспроизведения формы предшествующих публикаций мы не будем останавливаться на немногочисленных подборках с заголовками «Дело» или «Из дела...», так как в большинстве случаев они унаследованы от предшествующих изданий (см.: Народное движение в России в эпоху Смуты... № 79, 97, 104, 105, 127, 149 и др.).

¹¹¹ О нахождении под Тулой одного из представителей рода Ододуровых, Иваниса, было известно и ранее (см.: *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951. С. 448).

к сожалению, все тот же иллюстративный подход. Имеется в виду целый ряд челобитных 1620-х — 1660-х годов из столбцов Разрядного или Поместного приказов о пожалованиях поместными и/или денежными окладами за заслуги дедов или отцов в Смутное время с дьячьими пометами на оборотах «взять к делу», «выписать» или даже «государь пожаловал, велел дело выписать и по делу велел доложить себя, государя».¹¹² Очевидно, что следом за таким распоряжением обязательно должна была идти соответствующая выпись по челобитной или докладная выпись и, не исключено, в случае, если претендентов на искомое пожалование было несколько, еще какие-то документы, а затем то или иное решение центральной власти (допустить, что более десятка приведенных в сборнике обращений остались «под сукном» у подъячих или что именно эти дела кардинальным образом пострадали в неплохо сохранившихся столбцах этих приказов, мы не можем).

Однако в предлагаемом читателю томе эти челобитные вместе с их пометами так и остаются в одиночестве.¹¹³ Приходится думать, что и на этот раз археографы XXI столетия взяли за образец опять-таки работы прошедших лет того же В. И. Корецкого, где изданы точно такие же «одинокие» челобитные,¹¹⁴ но не учли одну тонкость. Публикации их предшественника посвящены восстанию Ивана Исаевича Болотникова, почему основное внимание уделено именно документам, напрямую повествующим об этом событии, а в рассматриваемом сборнике все эти челобитные включены в третий раздел с весьма торжественным названием «Отражение событий восстания 1606–1607 годов в последующих документах XVII–XVIII веков».¹¹⁵ Между тем, при столь ограниченно-субъективном подходе археографов читатель имеет возможность судить только о «половине», если можно так сказать, этого отражения. В глазах потомков участие их предков в сражениях 1606–1607 годов являлось достойным памяти жизненным ориентиром или, по меньшей мере, подходящим поводом для получения тех или иных благ, что, собственно, и отражено фактом подач челобитных с упоминанием этих событий.¹¹⁶ Но определить положительную

---

¹¹² Народное движение в России в эпоху Смуты... № 190.

¹¹³ См.: Там же. № 167, 168, 173, 174, 185, 194–197, 200, 202, 203, 205–208, 210.

¹¹⁴ См., например: *Корецкий В. И.* 1) К истории восстания И. И. Болотникова // Исторический архив. 1956. № 2. С. 142; 2) Новые документы по истории восстания И. И. Болотникова // Советские архивы. 1968 г. № 6. С. 75–76, 79, 80–81. Эти же тексты см.: Народное движение в России в эпоху Смуты... № 158, 161, 173, 184–186.

¹¹⁵ Народное движение в России в эпоху Смуты... С. 182, 482.

¹¹⁶ Очень любопытны в этом отношении поданные через 180 лет после описываемых событий камергером А. Дивовым и капитаном Н. Дивовым в Герольдмейстерскую

или отрицательную реакцию второй стороны, правительственных чиновников и монаршей особы, на просьбы челобитчиков при отсутствии в публикации последующих документов не представляется возможным и, тем самым, поставленная в заголовке раздела цель оказывается не вполне достигнутой.

Приведенные примеры различных сборников с произвольно выбранными из единых комплексов документами могут создать у читателя слишком пессимистическое впечатление о современной археографической работе, по крайней мере, на ее «теоретическом» уровне — выборе объекта публикации. Однако это не так и, на наш взгляд, в настоящее время происходят, пусть и не всегда последовательно, заметные изменения в лучшую сторону.

В первую очередь, следует обратить внимание на публикацию составляющего один столбец следственного дела о Новгородском восстании 1650 г., где, благодаря отказу археографов от прямолинейно-хронологического и тематического деления документов, была сохранена структура первоисточника.¹¹⁷ Выше мы уже приводили слова составителей тома о порочности расположения документов строго по датам, а здесь уместно процитировать обоснование их позиции по отношению к внутренней структуре столбца: «Мы (составители, Г. М. Коваленко, Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева. — Л. Т.) считаем, что само расположение документов в деле содержит дополнительную информацию о последовательности получения известий (независимо от даты документа) и об оперативности реагирования на них в Москве, о работе со следственными документами в сыскной комиссии, о возможной переписке с другими учреждениями по каким-либо вопросам, о передаче документов для подготовки доклада в Боярской думе».¹¹⁸ Против этих слов трудно что-либо возразить, если бы не одно «но»... Прекрасно, по-видимому, осознавая целостность этого

контору сведения об участии их давно скончавшегося предка, В. И. Дивова, в боях 1606–1607 годов (Народное движение в эпоху Смуты... № 219). Хочется просто подчеркнуть, что несоответствие заголовка и титульных дат сборника с его реальным документальным наполнением создает не только отчетливое ощущение разновременности подготовки отдельных его разделов (что при наличии общего плана было бы не так и страшно), но и отсутствие четко сформулированной единой цели у его составителей.

¹¹⁷ «Мятежное время». Следственное дело о Новгородском восстании...

Весьма показательно использование термина «дело», а не слов «сборник документов» уже в заголовке издания. Подробнее об издании материалов Новгородского восстания см.: Тимошина Л. А. Новая публикация документов о новгородском восстании 1650 года // ОФР. Вып. 6. М., 2002. С. 270–298.

¹¹⁸ От составителей // «Мятежное время». Следственное дело о Новгородском восстании... С. 9.

естественно сложившегося в недрах Посольского приказа столбца, сами археографы все-таки опубликовали этот комплекс неполностью, исключив из него, например, вероятно, как «непрофильные» документы о Псковском восстании, хотя само объединение приказными служителями этих материалов с документами о Новгородском восстании как нельзя лучше показывает прекрасно осознаваемую людьми XVII в. связь двух событий.

Трудно сказать, что явилось причиной такого шага — историографическая ли традиция,¹¹⁹ условия издательского договора на публикацию книги строго определенного объема или какие-то другие обстоятельства, однако в результате из 848 листов столбца оказалась отброшенной почти пятая часть — 167 листов (19,6%). Таким образом, все-таки выборочная публикация материалов дела показала определенную непоследовательность теоретических высказываний и практических действий археографов, с одной стороны, а с другой — лишила читателей уникальной возможности получить впервые в отечественной археографии целостный, без вмешательства извне, комплекс документов XVII в. по истории народных движений. В итоге же эти два восстания в восприятии пользователей публикации, скорее всего, надолго останутся двумя отдельными эпизодами русской истории XVII столетия.

Еще более наглядным примером вполне удачного археографического подхода может, по нашему мнению, служить подготовленное В. Н. Глазьевым, А. В. Новосельцевым и Н. А. Тропиным так называемое «елецкое дело» — комплекс материалов о строительстве и заселении Ельца и окрестностей в конце XVII в.,¹²⁰ состоящее из документов, присланных с мест (из Ельца, Епифани, Тулы, Тулы, Соловы, Новосили, Орла и Ливен) или подготовленных в Посольском приказе. В настоящее время дело представляет собой расклеенный столбец на 248 листах разной степени сохранности, который, полностью, в отличие, например, от публикации Г. Н. Анпилогова, ограничившегося только отдельными документами,¹²¹ и, что чрезвы-

---

¹¹⁹ В исторической литературе эти два практически одновременных события рассматриваются в отрыве друг от друга, см., например: *Тихомиров М. Н.* 1) Псковское восстание 1650 года. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. М.; Л., 1935 (= *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 23–138); 2) Новгородское восстание 1650 г. // *ИЗ.* 1940. Т. 7. С. 91–114 (= *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. С. 139–169).

¹²⁰ Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец, 2001.

¹²¹ *Анпилогов Г. Н.* 1) Новый документ об отводе земельного жалованья елецким служилым людям (1593–1594 гг.) // *АЕ* за 1962 год. М., 1963. С. 451–461; 2) Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 322–374. Несколько

чайно важно, без нарушения его внутренней структуры, то есть без пресловутой группировки материалов по строгой хронологии, тематическим рубрикам или видам документов, вошел в подготовленное современными историками издание. Мы не будем, при наличии рецензий,¹²² подробно характеризовать всю книгу, но нельзя не обратить внимания на очень важное замечание А. Д. Пряхина из предисловия к публикации, которое, как представляется, и выразило общий подход археографов к своей работе: «Издание ... отдельных документов не может заменить полную публикацию источника и передать его особенности в целом. В силу сказанного необходимо воспроизведение всего сохранившегося делопроизводственного комплекса, его всестороннее источниковедческое изучение».¹²³ Эти слова указывают на отчетливо проявившееся понимание необходимости отказа от «выборочных» публикаций со стороны В. Н. Глазьева, А. В. Новосельцева и Н. А. Тропина и дают надежду на поддержку их взглядов другими археографами.

Какие же документы, как правило, не входят в составляющие в настоящее время все-таки большинство изданий «выборочные» публикации? Наиболее часто такому исключению из дел подвергаются, во-первых, документы сопроводительного, «служебного», по выражению ряда археографов, характера — воеводские отписки и материалы переписки между приказами (памяти). Так поступили, например, публикаторы дела о Новгородском восстании, исключив не только псковские материалы, но и ряд отписок новгородского воеводы окольничего кн. Федора Андреевича Хилкова и некоторые памяти из Посольского в другие приказы,¹²⁴ которые не содержали прямого описания происходивших в городе событий. Между тем, в этих документах есть не так уж мало интересных сведений не только о внутренних механизмах приказной работы, но и о других сторонах общественного быта Русского государства XVII в. В частности, различного рода приказные пометы на этих «второстепенных» документах показывают способы связи между центральными и местными учреждениями управления и указывают на конкретных людей, доставлявших на места важнейшие документы не только в это беспокойное время,

---

документов были опубликованы филологами: Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI — начало XVII в. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1990. С. 8–24.

¹²² Солодкин Я. Г. Рец.: // ОИ. 2002. № 4. С. 95; Тимошина Л. А. Рец. // Исторические записки. Научные труды Исторического факультета. Вып. 10. Воронеж, 2004. С. 232–236.

¹²³ Пряхин А. Д. Предисловие // Российская крепость на южных рубежах... С. 3.

¹²⁴ «Мятежное время». Следственное дело о новгородском восстании... С. 8, 466–467, 475 и др.

но и в обычных условиях. Такие «курьеры» могли быть представлены как приказными служителями (приставы, подьячие, рассыльщики), так и случайными лицами, ехавшими в нужном направлении (в том числе, и самими участниками разбиравшихся конфликтов, если речь шла о переносе судебных дел из местных воеводских изб в центральные приказы).

На весьма интересную сторону приказного делопроизводства — темпы работы приказной и воеводской администрации обратил внимание Д. В. Лисейцев, приведя в качестве примера неполностью изданное С. Б. Веселовским дело по челобитью боярина кн. Ивана Борисовича Черкасского.¹²⁵ Совершенно понятно, что изучение этого вопроса возможно только при сопоставлении дат получения воеводских отписок в приказах и подготовки ответных документов или, наоборот, времени исходящей из центрального учреждения грамоты и ответа на нее местных властей. А С. Б. Веселовский, по замечанию современного историка, как раз и не включил в свою публикацию¹²⁶ именно такие документы: царскую грамоту от 23 октября 1617 г. нижегородскому воеводе Борису Ивановичу Нащокину о проведении дозора села Ворсма и отписку от 5 января 1618 г. с отчетом о выполнении поручения.¹²⁷

Д. В. Лисейцев, проанализировав эти материалы и подчеркнув необходимость издания всего указанного комплекса, пришел к совершенно справедливому выводу, выходящему далеко за рамки конкретного дела о дозоре села в Нижегородском у.: «...мы можем утверждать, что распоряжения центральной власти выполнялись провинциальной администрацией незамедлительно ... Быстро вершились дела и в столичных приказах. Говорить о „московской волоките“ начала XVII в., пронизывающей и парализующей якобы всю систему центральных и местных органов власти Московского государства, оснований нет».¹²⁸ Любопытно, что и сам С. Б. Веселовский на основании

---

¹²⁵ Лисейцев Д. В. Дело по челобитной боярина князя И. Б. Черкасского (к вопросу о темпах работы воеводской и приказной администраций в начала XVII в.) // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород, 2012. С. 142–151. В приложении к статье историк издал само дело по челобитной И. Б. Черкасского, однако судить о полноте публикации несколько мешает то обстоятельство, что в указании листов (л. 187–191, 194–196 об.) имеется никак не оговоренная лакуна, и читателю остается только гадать о содержании документов на л. 192–193 и причинах их отсутствия.

¹²⁶ Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Акты 1587–1627 гг. Т. 1. М., 1913. № 73, 74.

¹²⁷ Лисейцев Д. В. Дело по челобитной боярина князя И. Б. Черкасского... С. 143.

¹²⁸ Там же. С. 146–147 (см. также: Лисейцев Д. В. Приказная система Московского царства: административная практика XVI–XVII века // Российская государственность:

изучения материалов приказного делопроизводства высказывал мнение о сильном преувеличении московской волокиты.¹²⁹ Это мнение разделяет подробно проанализировавшая деятельность Разрядного приказа в 1676/77 г. О. В. Новохатко.¹³⁰ Мы, со своей стороны, можем привести не один и не два примера оперативной, четкой, эффективной работы четвертных и некоторых других приказов во второй половине XVII в., которые имеются в судебных делах.

Так, в 1660-м году яренский воевода Никита Иванович Хвостов, получив грамоту из Новгородской четверти от 14 октября с предписанием об организации повального обыска про соляные варницы Д. Г. Панкратьева, уже 14 декабря допрашивал в съезжей избе его приказчика Митрофана Иванова.¹³¹ Кажущийся, на первый взгляд, долгим двухмесячный срок не должен смущать: составляющий около тысячи километров путь от Москвы до Яренска занимал чуть меньше месяца (около 25–28 дней), а если к этому сроку добавить время, необходимое для преодоления почти 300 километров от главного уездного города до Сереговского соляного промысла, где обитал И. Митрофанов, и возвращения обратно, то становится понятным, что и яренские власти не медлили с выполнением полученных распоряжений. В деле 1670–1673 годов об отдаче «в зажив головой» гостю И. Д. Панкратьеву торгового человека гостиной сотни Ивана Дмитриевича Нагаева, проживавшего на тот момент в Вологде, грамота из приказа Большой казны вологодскому воеводе Константину Устиновичу Нащокину от 24 декабря 1670 г. с предписанием выслать И. Д. Нагаева в Москву была получена в городе 10 января 1671 г., а 2 февраля пришел ответ с отчетом о принятых мерах. Таким образом, учитывая 17–18-ти дневный срок путешествия документов туда и обратно, предписание центральной власти было выполнено за 4–5 дней при учете, что сам фигурант сопротивлялся этому решению.¹³² В 1683 г., когда гость И. Д. Панкратьев искал на двух крестьянах

опыт 1150-летней истории. Материалы Международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М., 2013. С. 116–118).

¹²⁹ *Веселовский С. Б.* Из истории Московского государства в XVII в. М., 2005. С. 68.

¹³⁰ *Новохатко О. В.* Разряд в 185 году. С. 588–592. Нетрудно заметить, что эффективность приказной работы подчеркивают историки, систематически занимающиеся если и не «пофондовой» публикацией, то «пофондовым» изучением документов центральных приказов — Поместного, Разрядного, Посольского, в отличие от лиц, придерживающихся противоположных взглядов, которые в своей работе ориентируются, по большей части, или на выборочные публикации, или на случайно найденные архивные документы.

¹³¹ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № II. С. 128–131, 156–157.

¹³² Там же. № IV. С. 177–179.

Ляльской трети Яренского у. 90 рублей денег по заемным кабалам, ответ на грамоту из Новгородского приказа от 8 февраля с указанием прислать этих крестьян к Москве был получен вместе с доставленными в столицу крестьянами не позднее 3 апреля, то есть через те самые два месяца, которые требовались на дорогу и, следовательно, оперативность работы яренского воеводы Дмитрия Ермолаевича Нефедьева была весьма высока.¹³³

Думается, что не требуется дальнейших доказательств большого значения сопроводительных, служебных документов (это же относится и к материалам внутрприказной переписки — памятям) для изучения как общих сторон приказного делопроизводства, так и конкретных обстоятельств отдельных дел, поскольку в ряде случаев скорость отдачи распоряжений и темпов их выполнения является важнейшим, хотя и косвенным показателем значения того или иного события, судебного разбирательства и т. д. и реального отношения к нему власть предержащих. А проводить такой анализ без обращения к оригиналам возможно только при наличии полной публикации всего корпуса документов, но никак не при использовании изданий с субъективно отобранными материалами.

Очень часто в созданные на основании иллюстративного подхода публикации не включаются материалы с переходящим из книги в книгу как закливание определением «повторная информация». В эту группу могут входить документы самых разных видов: челобитные, черновики, как правило, публикуемых в сборниках беловых вариантов переводов, различного рода приказные выписи и даже грамоты.

Наиболее четко такой подход был выражен в предисловии к следственному делу о Новгородском восстании: «Не публикуются также некоторые документы с повторяющейся информацией: явочные челобитные, грамоты указного характера по челобитным».¹³⁴ И действительно, в издании отсутствуют целый ряд таких документов. Например, опубликована явочная челобитная новгородских купцов об их пребывании в Москве во время восстания, а точно такая же, расположенная на следующем листе челобитная новгородского посадского человека¹³⁵ с характерной пометой археографов «то же», то есть, исходя из контекста заголовка к первой челобитной, «с теми же сведениями», опущена. Точно так же в томе имеется печатный текст изветной челобитной от 10 мая новгородских купцов Василия

¹³³ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 4. № VIII. С. 125–127.

¹³⁴ От составителей // «Мятежное время». Следственное дело о новгородском восстании... С. 8.

¹³⁵ Имя в заголовке не указано.

Стоянова, Василия Никифорова и Василия Проезжалова, но нет явочной челобитной этих же лиц от этого же числа, а вместо нее читается мало что объясняющий заголовок — «Явочная челобитная — см. л. 614–617 (на этих листах расположена первая челобитная. — Л. Т.)». Отсутствуют три, подготовленные в Посольском приказе в один день, 9 мая 1650 г., грамоты — митрополиту Никону и боярину кн. И. Н. Хованскому (две) с благодарностью в первом и втором случае за помощь и за усмирение восстания и предписанием о выступлении его отряда на Псков — в третьем.¹³⁶ По-видимому, археографы расценивали эти документы как не содержащие принципиально «новых» сведений о хорошо известном из других документов факте подавления восстания, однако очевидно, что трактовка событий разными лицами или в разных документах могла иметь если не существенные различия, то весьма интересные нюансы, понять которые читателям из-за отсутствия необходимых текстов не удастся.¹³⁷

Составители сборника документов о привилегированном купечестве решили не публиковать завершающие многие приказные комплексы, если они сохранились полностью, документы — распорядительные грамоты на места. В частности, нет таких грамот устюжскому воеводе П. А. Толстому по делу о покупке гостем Василием Филатьевым вотчин в Устюжском у. у жены гостя Федора Климшина Гликерии, старорусскому воеводе Т. К. Лопухину о порядке сплава дров к соляным варницам и его нарушении гостем Семеном Гавриловым,

¹³⁶ «Мятежное время». Следственное дело о новгородском восстании... С. 466, 493, 487.

¹³⁷ К первой челобитной В. Стоянова и его товарищей, поданной в Посольский приказ, составители сочли целесообразным привести в виде подстрочных примечаний разночтения по второй челобитной, адресованной патриарху Никону. Однако результат получился не очень удачным. Во-первых, отнюдь не все текстуальные различия были ими отмечены. Приведем некоторые примеры: в «приказной» челобитной написано «И я (В. Стоянов. — Л. Т.), сирота твой государев, помня твое государево крестное целованье...», в «митрополичьей» вставлены слова (выделены курсивом) — «И я, сирота твой государев, помня твое государево *царево и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси* крестное целованье...»; в первом случае — «...и их ото всякого дурна унимал и уговаривал», во втором случае слова «унимал» нет и т. д. («Мятежное время». Следственное дело о новгородском восстании... № 133). Во-вторых, даже если бы все различия были бы скрупулезно обозначены, такие подстрочные примечания с подведенными вариантами, которые в глазах некоторых археографов выглядят некоей панацеей, на наш взгляд, только затрудняют работу с текстом. Правильнее было бы опубликовать оба этих важных документа и дать читателю возможность не только самому провести сравнительный анализ, но и подумать над причинами достаточно существенных, как показано выше, разночтений в этих челобитных «с идентичным», по выражению публикаторов, содержанием (Там же. С. 310. Примеч. 1).

арзамасскому воеводе Т. Б. Булгакову из уже упоминавшегося дела гостя Семена Сверчкова, вероятно, все по той же причине — «повторения» уже известных сведений.¹³⁸ В результате, у читателя нет возможности сравнить тексты этих документов, которыми должны были руководствоваться власти на местах, с сохранившимися в делах приговорами, чтобы заметить или их полное соответствие друг другу, или, наоборот, увидеть наличие пропусков, ошибок, искажений и т. д. и, в последнем случае, попытаться определить причину — невнимательность подъячего или его умышленные («по дружбе», «по родству», за мзду) действия, способствующие искаженной передаче местной власти решения высшей инстанции. А без такого анализа судить с полной уверенностью о реальном окончании этих, как и любых других дел, то есть о степени претворении в жизнь вынесенных приговоров, невозможно.¹³⁹

Точно также совершенно непонятен, если не принимать во внимание необходимость воспроизведения правки, делавшейся одним-двумя, а иногда и тремя лицами, что требует определенной археографической подготовки и много времени, отказ от публикации самых, на наш взгляд, интересных и содержательных документов — черновиков, прежде всего, черновиков переводов иноязычных материалов.¹⁴⁰

---

¹³⁸ Привилегированное купечество России... Т. 1. № 88. С. 349. Примеч. 5; № 94. С. 362. Примеч. 4; № 58. Примеч. 5.

¹³⁹ Известно, что в XVII в. в московские приказы довольно часто поступали жалобы на неправильные или неправомерные действия воевод, на материале которых некоторые исследователи приходят к выводу о постоянном взяточничестве, пристрастности и других отрицательных качествах представителей местного управления. А, может быть, в некоторых, по меньшей мере, случаях, вопрос о причинах расхождения их действий с предписаниями центральной власти решается гораздо проще: воеводы всего лишь выполняли содержащиеся в грамотах распоряжения, но эти указания не полностью соответствовали приговорам, которые, безусловно, сообщались заинтересованным сторонам?

¹⁴⁰ В деле о привозе в Москву дьяком П. Б. Возницыным прощательных грамот патриарху Никону от вселенских патриархов имеются три варианта русского перевода греческих оригиналов — черновик переводчика Константина Христофорова с правкой подъячего Посольского приказа, переписанный беловик с правкой дьяка этого же приказа и второй беловик с правкой дьяка патриаршего ведомства. При этом тексты «посольского» и «патриаршего» беловых переводов существенно отличаются друг от друга, то есть представители светской и духовной ветвей власти, получив *разные* по содержанию тексты, по-разному же поняли и смысл посланий греческих патриархов (в данном случае, иерусалимского патриарха Досифея). Подробнее см.: Тимошина Л. А. Грамоты вселенских патриархов 1682 г., привезенные П. Б. Возницыным, в делопроизводстве Посольского приказа и археографии // ОФР. М.; СПб., 2008. Вып. 12. С. 262–277. Тексты всех вариантов переводов грамот см.: Там же. С. 305–364. Стоит заметить, что в «Собрании государственных грамот и договоров» опубликован текст только «патриаршего» белого перевода (СГГД. Ч. 4. М., 1826. № 135. С. 417–424).

Текстологическое сравнение черновых вариантов переводов с беловиками (следует учитывать, что в дипломатической документации могут встречаться и трехчастная, и четырехчастная модели — черновик, написанный рукой переводчика, со стилистической правкой чаще всего подъячего, черновик, переписанный подъячим, с редакционной правкой, как правило, дьяка, беловик для прочтения царю, боярам или приказным судьям и такой же беловик с правкой вышестоящего дьяка или сотрудника другого приказа) позволяет отследить вносимые на всех этапах отдельными чиновниками стилистико-орфографические и редакторские изменения, подчас меняющие смысл исходного документа. Иначе говоря, сравнение черновиков и беловиков переводов, если публикаторы, конечно, предоставляют читателям такую возможность, позволяет, при одновременном проведении палеографического анализа и определения, хотя бы на уровне дьяков, лиц вносивших правку, позволяет не только выяснить круг должностных обязанностей и профессиональную квалификацию различных приказных слугителей,¹⁴¹ но и, что самое важное, увидеть

---

¹⁴¹ Этот «личный», а не анонимный («приказная бюрократия») аспект чрезвычайно важен, так как касается конкретной деятельности отдельных людей. В имеющейся же историографии, и в уже многочисленных на сегодняшний день справочниках (С. В. Богоявленского, С. Б. Веселовского, Н. Ф. Демидовой), и в монографических исследованиях об отдельных приказах или их слугителях (*Лукичев М. П.* Алмаз Иванов // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы в XVI–XVII веках. М., 1989. С. 92–107; (=Лукичев М. П. Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 257–275; *Рогожин Н. М.* 1) У государевых дел быть указано... М., 2002. С. 75–233; 2) Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003. С. 72–158; *Лисейцев Д. В.* Росольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 56–129, 342–355; *Рыбалко Н. В.* Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011; *Павлов А. П.* 1) Думные дьяки в годы правления Филарета // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2012. С. 551–568; 2) Думные дьяки и их иерархические взаимоотношения в последний период царствования Михаила Федоровича (1633–1645 гг.) // *Paleobureaucratica*. Сборник статей к 90-летию Н. Ф. Демидовой. М., 2012. С. 264–291; и др.) рассматриваются, что, конечно же, важно и интересно, различные «внешние» вопросы — время службы в различных приказах, обеспечение земельным и денежным жалованьем, карьерный рост, царская милость или опала, иногда — происхождение и родственные связи. Что же касается непосредственной служебной деятельности, то здесь описываются или зарубежные поездки, или участие в переговорах, то есть те факты их биографии, сведения о которых можно почерпнуть из посольских, разрядных, боярских книг, статейных списков, росписей жалованья и т. д. А повседневная «приказная» деятельность дьяков, не говоря уже о подъячих, круг их непосредственных обязанностей, которые в источниках напрямую не отражены и которые можно выяснить только путем кропотливой палеографической и текстологической работы с документами, прежде всего, с черновиками, остаются практически неисследованными (парадоксальный

тех, кто оказывал реальное влияние на внешнюю политику страны, так как верховные власти имели возможность ознакомиться с внешнеполитическими документами и вынести то или иное решение только по сделанным приказными служителями и ими же отредактированным переводам, но никак не по иноязычным подлинникам. Поэтому вдвойне жаль, когда составители последнего тома «Вестей-Курантов», источника, на основании которого царь Алексей Михайлович и его приближенные могли представить себе Западную Европу, отказались в некоторых случаях от публикации таких черновиков.¹⁴²

Особое место в ряду исключенных документов принадлежит докладным выписям, палеографический анализ и текстологическое сравнение которых с наличествующими в деле/столбце оригиналами документов (челобитные, владельческие крепости, выписи из писцовых книг и другие — они-то, как правило, и публикуются) позволяет прийти к выводу, что именно на докладных выписях (обычное выражение начала любого приговора — «(и)мярек) сей выписи слушав»), а не на предшествующих «основных» материалах базировалось вынесение решений вышестоящими инстанциями — приказными судьями, Боярской думой, царем. Нетрудно поэтому понять, что исход дел зависел в значительной мере от степени точности и полноты передачи различных сведений в докладных выписях или, наоборот, от утайки под воздействием внешних обстоятельств тех или иных фактов. Поэтому весьма странно выглядят дела, вернее, их фрагменты, где следом за челобитной сразу же публикуется приговор, что может создать у читателей совершенно неверное представление о механизме приказного делопроизводства — будто решение высшей инстанции выносилось на основе инициативного документа, в то время, как приказные судьи, члены Боярской думы или царь слышали только их *изложение* или, если угодно, обработку, сделанную подьячими,

---

пример — есть интересная статья А. А. Турилова о литературном творчестве известного деятеля Ивана Тимофеевича Грамотина (*Турилов А. А. Алатырские досуги дьяка И. Т. Грамотина // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 451–460*), но, несмотря на постоянное упоминание этого лица в исследованиях и справочниках, понять, чем же конкретно он занимался во время своего пребывания в нескольких приказах, чрезвычайно трудно). Единственным исключением на данный момент является уже не раз упоминавшаяся монография О. В. Новохатко, где подробно обрисован круг повседневных обязанностей в 1676/77 г. дьяков Разрядного приказа Петра Ивановича Ковелина, Федора Леонтьевича Шакловитого, Любима Алферьевича Домнина и думного дьяка Василия Григорьевича Семенова (*Новохатко О. В. Разряд в 185 году. Passim*).

¹⁴² См., например: Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. / Подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнильевой, Е. А. Подшиваловой и С. М. Шамина; под ред. А. М. Молдована и Ингрид Майер. М., 2009. Ч. 1. Табл. 2. С. 35.

в столах или шкафах которых оставались лежать оригиналы документов.¹⁴³

Как пример можно привести сыскное дело 1670 г. по иску иконописцев Георгия Терентьева, Сергея Рожкова и Ивана Максимова к людям княгини Елены Звенигородской в «бою» и «увечье», где сразу за их челобитной помещен приговор, хотя и взаимное расположение документов (л. 15 — первый, л. 20 — второй), и примечание археографа свидетельствуют, что между ними находился еще один документ — докладная выпись.¹⁴⁴ Составители сборника документов о привилегированном купечестве при фрагментарной в целом публикации большого и крайне важного, как освещающего юридические особенности земельных владений гостей и гостиной сотни на черносотном севере, дела 1641–1645 годов по челобитной дозорщика Петра Давыдова о «беззакониях», творимых этими людьми, опубликовали только обширный царский указ, несмотря на прямую отсылку в его тексте на предшествующий документ как основу вынесенного решения: «И 153-го апреля в 19 день государь царь и великий князь Михайло Федорович веса Руси, сее *выписки* (выделено нами. — Л. Т.) слушав...».¹⁴⁵ Положение не спасает то обстоятельство, что в примечании есть указание на листы столбца,¹⁴⁶ где располагается этот важный для царя, но не заслуживший внимания археографов документ, так как читатель без похода в архив не имеет возможности ознакомиться с его текстом. В сборнике также опубликован приговор по делу гостя С. Сверчкова (см. выше), но отсутствует имеющаяся в столбце выпись, что доказывается, даже без обращения к архивному подлиннику, как наличием скрепы дьяка Емельяна Украинцева на л. 72 об. — 76 об., тогда как сам приговор занимает только л. 75, так и началом

¹⁴³ Пользуясь случаем, заметим, что составление докладных выписей представителями низшего и среднего звена приказного аппарата, «молодыми» подьячими или подьячими «средней статьи», а отнюдь не дьяками или уж, тем более, судьями приказов, заставляет задаться вопросом о круге тех лиц, кто имел возможность за взятки изменять смысл документов в пользу той или другой стороны. На наш взгляд, основное место в этом процессе принадлежало как раз рядовым служителям, а не высшим должностным лицам. Не случайно, в частности, что в упоминавшемся уже судебном деле об убийстве человека гостя И. Д. Панкратьева старцем Соловецкого монастыря Афанасием и приказчиком гостя О. И. Филатьева Филиппом Турчанином этот последний обвинял в фальсификации документов в пользу И. Д. Панкратьева именно подьячего Новгородского приказа Александра Феофанова (Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 4. № XV. С. 272).

¹⁴⁴ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 47.7 и 47.8. С. 94–95 и примеч. 272.

¹⁴⁵ Привилегированное купечество России... № 85. С. 151–152.

¹⁴⁶ Там же. Примеч. 1.

этого документа, где указан другой «слушатель» выписки — глава Новгородского приказа боярин Артамон Сергеевич Матвеев.¹⁴⁷ То же самое относится к делам кн. Ивана Ивановича Дашкова и гостя Василия Стоянова об убытках, торгового человека гостиной сотни Василия Афанасьевича Чирьева и жителя Огородной слободы Романа Павлова в недоплатных деньгах и других.¹⁴⁸

Нельзя, впрочем, не отметить, что в некоторых случаях приказной «триумвират» (челобитная — выпись — приговор) или более короткая связка выпись — приговор в изданиях сохраняются.¹⁴⁹ Однако все равно создается впечатление (по крайней мере, у нас) о случайном или вынужденном интересе археографов к таким выписям,¹⁵⁰ а не об осознанной ими необходимости публикации именно этих документов, так как без них трудно в полной мере понять и проанализировать сюжетные перипетии издаваемых к тому же в отрывках дел и оценить точность и непредвзятость вынесенных приговоров.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что, по нашему убеждению, любой документ дел/столбцов XVII в. *обязательно* содержит в себе, прямым или косвенным образом, *новую* по отношению к предшествующим или предыдущим материалам таких дел *информацию*, что еще раз указывает на настоятельную необходимость полной публикации этих исторических источников.

Особую проблему представляет собой публикация «внешнеполитических» столбцов Посольского приказа, «дел о приездах» зарубежных послов, посланников, гонцов и других представителей иностранных государств, в состав которых входят, как правило, переводы приведенных ими иноязычных грамот. Однако сами эти акты, написанные, по большей части, на больших или средних александрийских листах бумаги, изначально, в самом приказе, из-за своего размера, никак не соответствующего формату столбцовых листов, хранились отдельно,¹⁵¹ несмотря на то, что по своей сути и истории появления в России были самым очевидным образом связаны с материалами

---

¹⁴⁷ Привилегированное купечество России... № 58. С. 261.

¹⁴⁸ Там же. № 80. С. 323–326; № 85. С. 337–338; № 95. С. 364–365

¹⁴⁹ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... № 97. С. 181–182; № 98. С. 183–184; Привилегированное купечество России... № 94. С. 357–362; № 96. С. 373–377.

¹⁵⁰ По-видимому, почти полной утратой листа с текстом приговора объясняется публикация выписи во фрагментарно опубликованном деле гостя Семена Гаврилова с новгородскими посадскими людьми об откупных кабаках (Привилегированное купечество России... № 71. С. 297–299).

¹⁵¹ См.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 70–208; Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. М., 1990. С. 59–97, 112–118, 124–128 и др.

визитов иностранных представителей. Впрочем, иногда в столбцы включались и непосредственно оригиналы отдельных иноязычных посланий, носящие более частный характер или адресованные иным, помимо верховного правителя, государственным деятелям,¹⁵² когда размеры этих документов позволяли подогнать их под обычную (около 15–16 см) ширину столбцового листа.

Совсем недавно на эту связь обратил внимание П. И. Прудовский, опубликовавший посольскую книгу по связям России с Бранденбургско-Прусским государством.¹⁵³ В приложении к тому он издал дело о поездке в августе-сентябре 1656 г. к курфюрсту Фридриху-Вильгельму гонца, дьяка Григория Богданова, вместе с привезенными этим последним ответными грамотами прусского правителя царю Алексею Михайловичу и боярину Б. И. Морозову на немецком языке, написанными на александрийских листах и хранящимися отдельно от столбца, и их русскими переводами, входящими в состав свитка с делом об отправлении.¹⁵⁴ И пусть эту попытку, на наш взгляд, нельзя признать до конца удачной, так как археограф, во-первых, отказался от публикации ряда документов дела как не имеющих, по его мнению, непосредственного отношения к русско-бранденбургским отношениям, а во-вторых, поместил два иноязычных текста среди русских документов столбца, где они никогда не находились,¹⁵⁵ такой подход выглядит гораздо более предпочтительным, чем постоянно встречающееся при издании внешнеполитических «столбцовых» материалов обыкновение публиковать отдельные, как правило, очень немногочисленные и не просто субъективно, а, на наш взгляд, случайно выбранные документы больших дел.¹⁵⁶ Исходя из вышеизло-

¹⁵² См., например: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1687 г. № 6. Л. 4–5 — оригинал грамоты гетмана Ивана Самойловича севскому воеводе Леонтию Романовичу Неплюеву (в столбце с «делом о приезде» архимандрита синайского монастыря св. Екатерины Кирилла со свитой).

¹⁵³ Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством 1649–1671 гг. / Сост. П. И. Прудовский. М., 2013.

¹⁵⁴ Там же. С. 353–362.

¹⁵⁵ Подробнее см.: Тимошина Л. А. Публикация «бранденбургской» посольской книги как явление археографии. С. 100–104.

¹⁵⁶ См., например: Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. В разделе о русско-польских отношениях в 50-е годы XVII в. (составитель Б. Н. Флоря) из одного столбца (РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1656 г. Д. 25) в произвольном порядке опубликованы десять документов: грамота царя Алексея Михайловича 1656 г. сентября 12 великим послам во главе с Н. И. Одоевским (л. 154–155); отписка оршанского воеводы М. Стромилова не ранее августа 4 — не позднее сентября 5 (л. 54–55); отписка Н. И. Одоевского и других великих послов царю 1656 г. не ранее августа 2 (л. 113–120);

женного, допустимо предложить публиковать такие, не входящие непосредственно в состав дела/столбца грамоты на иностранных языках отдельно, до или после самого дела (на усмотрение археографа) и, в таком случае, исследователи получают практически идеальные с точки зрения полноты представленных документов (иностранные оригиналы и их русские переводы) внешнеполитические комплексы материалов.¹⁵⁷

Говоря о столбцах, важно обратить внимание на две, безусловно, отрицательные особенности воспроизведения их текстов в некоторых изданиях.

грамота Н. И. Одоевского и других великих послов царю 1656 г. не ранее сентября 24 — не позднее октября 2 (л. 247; различия в названиях одинаковых по формуляру документов, тем более, что в конце «грамоты» сами послы сообщают о посылке документов «под сею отпискою», непонятны); грамота гетмана В. Гонсевского 1656 г. сентября 9 (л. 248–250); грамота (на самом деле — отписка) Н. И. Одоевского и других великих послов царю 1656 г. после октября 24 (л. 345), грамота (перевод) гетмана В. Гонсевского русским великим послам 1656 г. октября 29 (л. 346–348); письмо (перевод) гетмана В. Гонсевского русским великим послам 1656 г. около октября 29 (л. 352–356); письмо крымского военачальника Субхан Гази аги польскому королю Яну Казимиру 1656 г. октября 16 (л. 348); письмо (перевод) гетмана В. Гонсевского русским великим послам 1656 г. не позднее октября 29 (л. 357) (Русская и украинская дипломатия... С. 197, 208–210, 213–217); из другого столбца (РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1656 г. Д. 27) — четыре документа: письмо польского гетмана В. Гонсевского 1656 г. августа 9 (л. 14); инструкция посланцу гетмана В. Гонсевского 1656 г. августа 9 (л. 16–16 об.); грамота царя Алексея Михайловича 12 сентября 1656 г. августа великим послам во главе с Н. И. Одоевским (л. 110–113); резолюция царя на переводе «статей» В. Гонсевского 1656 г. августа 25 (л. 115–118) (Русская и украинская дипломатия... С. 210–214) и т. д.

В разделе, посвященном Молдавии и Валахии в 50-е годы XVII в. (составитель Л. Е. Семенова) из одного столбца (РГАДА. Ф. 68. Сношения с Молдавией и Валахией. Оп. 1. 1656 г. Д. 1) опубликованы три документа: письмо молдавских послов митрополита Гедеоны и логофета Григория Нянула 1656 г. марта 16 (л. 60–69), их расспросные речи 1656 г. мая 21 (л. 70–100) и грамота царя Алексея Михайловича молдавскому господарю Георгию Стефану 1657 г. января 22 (л. 222–223) (Русская и украинская дипломатия... С. 490–496, 499). Мы не будем приводить другие примеры из этого раздела, так как выборочное издание документов характерно для всех использованных там столбцов, в чем читатель, при желании, может убедиться и сам (Там же. С. 480–503). То же самое можно сказать и о материалах русско-греческих связей середины — второй половины 1650-х годов (составитель В. Г. Ченцова), Впрочем, археограф в заголовке публикации хотя бы указал, что издаются не дела, а «Документы фонда „Сношения России с Грецией“...» (Там же. С. 506–541).

¹⁵⁷ Показательно, что исследовавший структуру Посольского приказа и занятия его служителей в 30-х — 40-х годах XVII в. Б. А. Куненков обращался из-за отсутствия полных публикаций дел внешнеполитического ведомства почти исключительно к архивным материалам (Куненков Б. А. Персональная специализация «старых» подъячих Посольского приказа и структурирование ведомства в 30–40-е годы XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. М., 2012. С. 205–223).

Первое. Речь идет о недопустимом, на наш взгляд, невнимании к воспроизведению имеющихся в текстах отпусков или черновики документов исправлений, которые наилучшим образом могут свидетельствовать об обстоятельствах работы (поспешность, невнимательность, плохие условия и т. д.), уровне грамотности пишущего, влиянии на него внешних факторов, материализующихся в стремлении скрыть или изменить путем «редактирования» — зачеркиваний или исправлений — те или иные факты или, наоборот, приукрасить действительность и др.¹⁵⁸ Особенно часто игнорирование исправлений встречается почему-то в сборниках документов о народных движениях,¹⁵⁹ как будто важность приводимых в них сведений может оправдать археографическую небрежность, впрочем, отсутствие подстрочных примечаний при публикации отпусков документов встречается и в изданиях другой тематики.¹⁶⁰ В результате, опубликованные без учета правки документы вызывают большие сомнения в точности передачи «базового» текста, а не имеющие при этом и обозначений полистного деления вообще заставляют задаться вопросом о целесообразности таких изданий.¹⁶¹

Второй, к сожалению, тоже достаточно распространенный способ обращения с документами — частичное воспроизведение их текстов с обозначением знаком многоточия пропущенных мест и указанием, а иногда и без оного, содержания отсутствующего фрагмента. Причины выставляются, как правило, все те же: или повторение информации при изложении какого-то из уже издаваемых документов, или наличие сведений, не относящиеся к узко заявленной теме сбор-

¹⁵⁸ Такого же мнения о необходимости учета всей правки при подготовке приказных дел придерживается и Д. В. Лисейцев, приведя в качестве примера недостаточное внимание С. Б. Веселовского к этому элементу археографической работы при публикации документов дела И. Б. Черкасского (*Лисейцев Д. В. Дело по челобитной боярина князя И. Б. Черкасского...* С. 143).

¹⁵⁹ Социальные движения в городах Нижнего Поволжья... № 16. С. 23–25; № 20. С. 32–33; № 39. С. 59–60; № 43. С. 64; № 50. С. 75–76; и др.; Народное движение в эпоху Смуты... № 6. С. 35; № 61. С. 179–180; № 100. С. 218–219; № 152. С. 299.

¹⁶⁰ См., например: Привилегированное купечество России... Т. 1. № 50.6. С. 228–229 (отпуск наказной памяти гостю Дмитрию Казакову). Не с этим ли обстоятельством, необходимостью довольно трудоемкой работы по выделению правки, как и в случае с черновиками, связано почти полное отсутствие отпусков грамот в этом сборнике и, наоборот, преобладание не только здесь, но в других изданиях челобитных, то есть документов практически не носящих следов правки?

¹⁶¹ См., например: Народное движение в России в эпоху Смуты... *Passim*. При отсутствии указаний на листы в основном тексте документов очень странно выглядят, особенно в документах на нескольких листах, выделенные курсивом обозначения оборотов листов с различными пометами (Там же. № 157, 158, 160, 164, 178, 179 и многие другие).

ника.¹⁶² На наш взгляд, такая фрагментарная, в отрывках, публикация документов недопустима ни при каких обстоятельствах. *Частично* публикуемый документ в *частично* публикуемом же деле (в полностью изданных комплексах такие примеры крайне редки) представляет собой произвол составителей сборников уже в квадрате, и поэтому говорить об издании чего бы то ни было в таких случаях вообще не приходится.

В целом, ориентация ряда археографов на получение узкотематических сведений, приводя к отказу от публикации дел/столбцов в их полном составе, имеет следствием нарушение естественно-сложившихся делопроизводственных комплексов XVII в. с изначальным порядком расположения документов в угоду кажущейся более удобной их искусственной группировке по прямолинейно-хронологическому или тематическому принципу. В реальности такой подход, давая сиюминутную возможность получить те или факты, не позволяет проводить полноценное источниковедческое изучение истории создания и бытования рукописей, содержащих публикуемые памятники, а, тем самым, не дает основания для обоснованной оценки степени полноты и достоверности приводимых в них конкретных сведений.

Далее хотелось бы обратить внимание на ряд особенностей научно-справочного аппарата при издании документов столбцового делопроизводства.

В современной археографической практике при подготовке крупных массивов исторических источников принято давать внутренние, составленные самими публикаторами, заголовки отдельных документов. И такая практика вполне оправдана, когда речь идет о публикации отдельных актов, входящих в состав, в частности, монастырских архивов. Однако чисто формальное перенесение подобного приема на другие виды исторических источников, на наш взгляд, вряд ли правомерно. Результатом стремления «озаглавить» каждый документ становится разрушение в очередной раз целостной, естественно сформировавшейся в ходе приказного делопроизводства структуры дел/столбцов, что не дает возможности рассматривать их, повторим это еще раз, в качестве *единых исторических памятников*, а не набора отдельных документов.

---

¹⁶² Народное движение в эпоху Смуты... № 15. С. 55; № 16. С. 56, 58, 61, 62; № 19. С. 87–91; № 28. С. 118–121; Привилегированное купечество России... № 20.2. С. 106–107; № 42.3. С. 181–182; № 59.2. С. 264–265; № 89. 2. С. 349–351; Социальные движения в городах Нижнего Поволжья... № 7. С. 8–9; № 90. С. 141–142; № 216. С. 244–246; № 222. С. 250–252; Русская и украинская дипломатия... С. 139–142, 146–196, 312–320, 323–324, 331, 333–337, 368–384, 391–404, 483–485, 488–489, 509–512, 517–520, 527–531, 534–536.

Понятно, однако, что только в заголовке археограф может датировать не имеющий хронологических рамок документ («обязательное» отображение содержания документа в условных названиях, по точному замечанию А. М. Молдована, полностью не достигает своей цели, что заставило издателей «Вестей-Курантов» в настоящее время отказаться от подобной практики¹⁶³), поэтому нам представляется наиболее целесообразным не вводить непосредственно в текст публикуемых в своем полном составе дел внутренних именований, а помещать составленные заголовки с необходимым обоснованием датировок в общем археографическом предисловии к тому или в археографических предисловиях к каждому столбцу/делу.¹⁶⁴

Весьма важным представляется содержание археографического введения/предисловия к материалам столбцового делопроизводства. В настоящее время большинство таких введений содержит в себе более или менее подробное изложение событий, затрагиваемых публикуемыми материалами, или биографий упоминающихся в них лиц, пересказыванием содержания документов или перечислением их разновидностей. С нашей точки зрения, в изданиях подобного рода источников такие предисловия кажутся явно недостаточными и требуют дополнений, самым главным из которых является подробное описание как самого столбца с палеографическим анализом почерков, восстановлением правильного порядка листов и воспроизведением всех имеющихся делопроизводственных и хранительских помет, так и общего состава и истории возникновения тех фондов или фондов-коллекций, где сейчас находятся публикуемые источники (подобные, более или менее пространные описания есть в изданиях, подготовленных В. Н. Глазьевым, А. В. Новосельцевым и Н. А. Тропиным, М. В. Николаевой, коллективом авторов при участии С. М. Шамина и некоторых других¹⁶⁵). В тех же случаях, когда публикуемые дела или документы входят, вместе с рядом других однотипных материалов, в состав более крупных столбцов, было бы весьма полезным да-

¹⁶³ Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. С. 7.

¹⁶⁴ Предлагаем читателям самим сравнить два издания двух однотипных источников, правда, не столбцов, а посольских книг и решить, какое из них, с введенными археографами непосредственно в текст книги внутренними заголовками, полностью разрушающими архитектуру памятника, или с такими же заголовками, но вынесенными вовне, в описание рукописи, больше способствует постижению исторической конкретики (Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004; Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1).

¹⁶⁵ Российская крепость на южных рубежах. С. 15–18; Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. С. 20–34; Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. С. 11–21, 116–121, 159–161 и др.; Т. 4. С. 7–15, 37–41, 48–50 и др.; Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... С. 5–10.

вать их общую, более или менее подробную характеристику, важную для понимания обстоятельств возникновения конкретных публикуемых источников.¹⁶⁶

Актуальность подобной работы обусловлена не только обычной в источниковедении необходимостью представить историю создания рукописи, но и тем, приобретающим в последнее время все большую ясность обстоятельством, что многие, дошедшие до нас столбцы, в своем настоящем виде не соответствуют делопроизводственным единицам XVII в. (эти факты на своих материалах отметили М. В. Николаева и С. М. Шамин¹⁶⁷). Наибольший урон в этом отношении понесли фонды Посольского приказа и других, связанных с ним приказных учреждений XVII в. (четвертные и некоторые другие приказы), которые в XVIII столетии вошли в состав МАКИД-МГАМИД, когда в результате так называемой архивной «реформы» второй половины XVIII — начала XIX в., во-первых, произошло почти полное разрушение естественно сложившихся делопроизводственных комплексов различных учреждений и создание вместо них никогда не существо-

---

¹⁶⁶ В частности, хотелось бы узнать состав и историю формирования ряда столбцов, изначально, по-видимому, объединяющих документы одного вида, откуда составители сборника о событиях Смуты и заимствовали некоторые из них — сказки жильцов (Народное движение в эпоху Смуты... № 123, 123, 125, 126 (столбец Московского стола Разрядного приказа № 901); № 169, 172, 174 (столбец Севского стола № 82); № 180–182 (столбец Владимирского стола)) и др. А в сборнике документов о русских иконописцах и живописцах, там, где М. В. Николаева указывает, что публикуемые ею документы извлечены из крупных столбцов и даже приводит их названия, в предисловии было бы полезно дать общее описание этих единиц хранения (см.: Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... С. 45. Примеч. 109 (приведен общий заголовок столбца «Челобитные иконописцев о выдаче им жалованья 180-го года»); С. 66. Примеч. 188 («Челобитные и выписки о выдаче иконописцам и живописцам жалованья 176-го года»); С. 87. Примеч. 247 («Челобитные иконного и живописного дела мастеров и учеников о пожаловании им кормовых денег 178-го года»); С. 350. Примеч. 846 («Обыски в разных слободах, кто где живет и сколько платит оброка 206-го года», именно из этого столбца было взято разбиравшееся выше дело Ивана Безмина); и др.). В таких случаях сами подборки этих документов выступают как своеобразное «дело», то есть сформированный в том или ином приказе комплекс материалов. Соответственно, в идеале хотелось бы видеть целостные публикации таких столбцов, необходимость чего в последнее время отдельными археографами начинает все более четко осознаваться (см., например: Горбатов Е. Н. 1) Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 213–396; 2) Материалы к истории жилецкого разбора 1643 года (в печати). В обоих случаях полностью опубликованы столбцы (Челобитного и Разрядного приказов), содержащие или челобитные, в первом случае с краткими резолютивными пометами на них, или записи дворянских сказок).

¹⁶⁷ Иконописцы и живописцы Оружейной палаты... С. 8–9; Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. С. 18–19.

вавших в реалиях XVI–XVII вв. «фондов-коллекций», а во-вторых, в целом ряде случаев было проведено расформирование первичных делопроизводственных столбцов и замена их искусственным подбором документов на основании ряда формальных критериев — по персоналиям, тематике и т. д.¹⁶⁸ В дальнейшем, при реставрации столбцов или переописании во второй половине XX в. ряда созданных в XVIII в. «фондов-коллекций» положение усугубилось неправильной нумерацией листов, произвольным соединением в одной единице хранения фрагментов совершенно различных дел по признаку единства упоминаемых в них лиц или географических объектов, а иногда и простым присоединением к первым попавшимся столбцам отдельных, не поддающихся четкой идентификации, листов из так называемой «россыпи».¹⁶⁹ Очевидно, что в таких условиях прежде чем публиковать делопроизводственные материалы целого ряда приказов XVII в. необходимо сначала восстановить истинный состав избранных для издания дел/столбцов и как можно более подробно представить результаты этой работы во введении, в противном же случае археографы, а вслед за ними и читатели рискуют получить плод деятельности архивистов различных столетий, а не подлинные дела XVII в.

В заключение осмелимся сделать «кошунственное» для многих археографов, независимо от места их работы, заявление — столь любимое многими и часто используемое определение «сборник документов», а, главное, методика подготовки подобного рода изданий в отношении естественно сложившихся комплексов приказного делопроизводства XVII в. — дел/столбцов — устарели. На современном этапе развития археографии необходимо отказаться от «тематиче-

---

¹⁶⁸ Подробнее о методах работы архивистов второй половины XVIII в. на примере столбцов Посольского приказа см.: Тимошина Л. А. Описание архива Посольского приказа 1673 г. и «Реестры греческим делам» конца XVIII — начала XIX в. // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 7. М., 2009. С. 210–233.

¹⁶⁹ В качестве примера можно привести два документа, включенные в дело гостя И. Д. Панкратьева о величине обложения купленных к соляному промыслу земель, которые не имеют к нему ни малейшего отношения — отрывок выписи о спорной земле между Данилой Михайловичем Татищевым и неким Семеном (фамилия отсутствует) и список с грамоты царя Федора Алексеевича великоустюжскому воеводе Степану Ивановичу Салтыкову о земле в Юрьеве Наволоке (Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 4. № II. С. 38); к делу 1683 г. крестьян Ляльской трети Яренского у. с гостем И. Д. Панкратьевым об обложении его владений прибавочным окладом «чудесным» образом оказался присоединен отпуск грамоты в Кевроль о ссылке туда стрельца Бориса Сергеева с женой и детьми «за ево воровство и смутные слова», правда, имеющий ту же дату — 1683 г., что, по-видимому, и стало основанием для объединения этих документов (Там же. № XI. С. 150; см. также: № VI. С. 85; № VII. С. 118–119; № IX. С. 130–133; и др.).

ских», «хрестоматийных», «хронологических» или любых других искусственно созданных подборок документов в пользу издания, каким бы это ни казалось на первый взгляд фантастическим, единых исторических источников — дел — во всем многообразии, при сохранении их собственной структуры и скрупулезном воспроизведении всех, присущих им, внутренних и внешних особенностей.